

Санди Саба

Жар-Птица, или Сказки баюна Барса

Моим дорогим Мультбургам

«Если Бог за нас, то кто против нас»

Рим.8:31

*Стихи, помеченные *, принадлежат перу поэта Александра Ефремова.*

Автор благодарит Марка Москвитина за помощь в редактуре, оказанную в написании данной книги.

Присказка

...Кесарская нянька Наталья беспомощно развела руками: близилась полночь (да что близилась: четверть часа осталась с минуткой), а дети — кесаревич Лука и кесаревна Василиса — никак не хотели уgomониться и лечь спать. Они кидались подушками, прыгали на пружинистых, словно батут, перинах, пели во всю свою детскую силушку песни (как народные, так и мокшанийких композиторов-песенников), тараторили считалки, к стыду няньки — «цареубийственные»:

*Раз, два, три, четыре, десять,
Царь хотел меня повесить,
А царица не дала,
И повесила царя.
Царь висел, висел, висел,
Ветер дунул: он слетел.
Он летел, летел, летел
И в помойку залетел,
А в помойке жил Борис —
Председатель дохлых крыс.
А жена его Лариса —
Замечательная крыса!*

Эту считалку совершенно не выносил придворный врач Борис, и не столько из-за ее антимонархизма, сколько из-за того, что его супругу звали почти как жену крысиного председателя — Кларисса. И когда он заставлял детей глотать горькие и противные лекарства, или того хуже — делал уколы, они по детскому недомыслию мстили ему вот этой считалкой. За что им попадало как от кесарицы и кесаря, так и от няньки Натальи. Но все равно няньку свою они обожали, хотя стоило ей хоть на миг отвернуться, как начинали безудержно шалить. Вот и сейчас они воспользовались недолгой отлучкой няни, чтобы загорланить «непристойные» песни.

На шум явился отец-кесарь Сергей. Отчитал как следует, воззвал к совести, даже намеревался отшлепать — дети притихли. Ушел — тарарам начался заново. Пришла мать-кесарица Марина: пыталась подкупить детей шоколадными конфетами (мокшанийский шоколад — один из самых лучших). Ушла — на колу мочало, начинай сначала. «И когда эти дети наконец устанут?!» — проклинала все на свете их нянька. Она любила детей, как своих, но любому терпению приходит предел.

И когда этот предел наступал, оставалось одно, последнее и кардинальное средство — сказка на ночь, в исполнении настоящего профессионала — котозавра. Котозавры на это дело мастера. Их сметаной не корми, дай сказку рассказать. Правда, приврать любят немилосердно. При этом никогда не отличишь, где зерно истины, а где плевелы фантазии, и не поймешь сразу, в какой момент быль превратилась в вымысел.

— Барс Мурзович... — нянька чуть ли не стала на колени перед большим пушистым котозавром.

К вашему сведению, котозавры — это такие большие-большие кошки, внешне очень похожие на рысь, только разумные и говорящие. Их сейчас осталось совсем мало: в свое время тиран Федосей по прозвищу Бедосей и его сынуля Лютослав

истребили котозавров почти под корень. Вообще, «котозавры» — это научное название, в народе их зовут баюнами и считают вестниками добрых новостей. Люди верят, что если баюн погладит лапой младенца — жить ему долго, в здравии и счастье; если болящего — тот выздоровеет, может, не в тот же миг, но хворь в любом случае пойдет на убыль. Если два любящих сердца перед свадьбой одновременно погладят баюна — будут жить в ладу и богатстве весь свой век. И дети их будут красивыми и добрыми. Но с одним важным условием — баюн сам должен прийти к ним и благословить. Что сделать очень сложно: котозавры, как и все кошачьи — существа весьма своенравные.

Барс Мурзович, при дворе за глаза просто Барсик (а детям позволялось и в глаза — котозавры-баюны любят детскую ласку, хоть и разумные, но кошки есть кошки), сам только что уложил своих деток-котят, таких же непослушных, как кесаревичи. Его жена котозавриха Сильва Тюбиковна удивлялась, как он ловко управляетя со всеми их тремя отпрысками разом. Как она ни пыталась выведать его секрет, так и не смогла. Где уж там, в укладывании детей тоже талант нужен. Барс Мурзович хмыкал в усы: «Я потаенные слова знаю». На самом деле он, как любой баюн, привирал: не знал он никаких потаенных слов,

просто имел очень мягкий и одновременно очень завораживающий голос, который действовал на детей безотказным гипнозом.

Если бы Барс Мурзович всегда жил в кесарском дворце — проблем бы не было. Но котозавры по природе своей, как и все кошачьи, бродяги. Хоть и живут семьями, но всегда обособленно друг от друга. Иногда без всякой видимой причины срываются с места, исчезая на несколько дней, а то и недель, но всегда возвращаются. Странные бродяги, ценящие домашний очаг... Зная это, кесарь назначил Барса Мурзовича главным кесарским лесничим. Поэтому наш баюн всегда мог исчезнуть на пару деньков под благовидным предлогом инспекции кесарских лесов. К чести его, надо сказать, дело он свое знал туго: случаи браконьерства и незаконных рубок были крайне редки.

Отказать няньке он постеснялся: котозавры — существа бесконечно доверчивые и добрые. Правда, если их разозлить — на пути лучше не становиться. Когти у них острые, за друга жизнь отдадут, да и единожды обманувшему больше не доверятся... Баюн зашел в детскую, ступая по паркету своими мягкими, как тапочки, лапами. Впрочем, обычно он ходил в сапогах, но по дворцу предпочитал кошачьим босиком.

— Салютос, бамбинос! — поприветствовал он

детей. Любил баюн всякие заморские словечки. Кстати говоря, именно он на свою беду научил детей той самой считалке о крысином председателе, после чего испытывал чувство вины перед доктором и его женой и всячески их задабривал.

— Барсик, Барсик, поиграем в футбол. Ты так классно стоишь на воротах! — закричал кесаревич.

— Нет, Лучик, уже полночь, боюсь, нас неправильно поймут... Но если хотите, я расскажу вам сказку, взрослую сказку, ведь вы уже взрослые (дети горделиво вздернули свои курносики), о славном кесаревиче Семене, о его друге котозавре Пуше, о волшебной Жар-Птице и ее Жар-Птенчике. Хотите?

— Расскажи, — любопытные дети вмиг притихли и няня, всплеснув руками (одно его слово — и дети уже паиньки, чудеса), в очередной раз подивилась такой метаморфозе: ее сказки дети слушали вполуха («Ваши сказки для маленьких — стремно»).

— Начну с самого начала, то есть издавека...

Дети сами попрыгали, без приказа и принуждения, в кровати. А котозавр сел у них в изголовье, взял в лапы свой пушистый хвост, и, перебирая на нем пушинки, повёл рассказ.

— ...В нашем кесарстве, в нашем государстве жили-были кесарь Константин и его жена Татьяна. И не было у них детей... Впрочем, нет, история эта

началась еще раньше, когда колдунья по прозвищу Черная Кукушка решила подкинуть свое дитя...

— Кому? — хором спросили дети.

— Всему свой черед... — улыбнулся в усы котозавр.

День первый

Первая глава

...По ночному небу метеором несло странное существо. Грохотал гром, полыхали молнии, стеной падал с неба проливной дождь, но это существо бесстрашно летело, не замечая ничего на своем пути. Волосы взлохмачены, лицо прикрыто косынкой, к груди прижат сверток, который слабо попискивал. Существо то поднималось выше, внимательно оглядывая окрестности (его универсальное зрение всегда видело все, при любых погодных обстоятельствах), то спускалось ниже, так же внимательно рассматривая каждый дом.

Внизу расстился небольшой провинциальный город Пензя, Мокшанийского подданства. Но ни думская ратуша, ни казначейский дом, ни тем более церковь, да и прочие общественные заведения, существо не интересовали. Оно искало дома, обыкновенные

жилища, правда, трущобы бедняков его не привлекали. Оно вглядывалось в богатые дома, и не просто богатые, а такие, где недавно родились дети. Купеческие или аристократические.

Наконец, существо выбрало нужный дом. Такой удачи оно само не ожидало. А то уж хотело лететь в другой город, седьмой по счету. И ни в одном из пяти предыдущих существо не отыскало нужных условий. Этот же дом подходил идеально. Во-первых, это был аристократический дом, где жил сам городской голова, не абы кто. Во-вторых, его жена недавно родила дочь, их только вчера привезли из акушерской лечебницы. В-третьих, это были добрые люди — почти самое главное условие. Выбор идеален! Существо напрямик полетело к дому, но в эйфории не сразу сообразило, что летит над церковью. Чертыхнулось, споткнувшись о невидимую преграду; пришлось облетать. Но это были уже мелочи.

Вот и дом городского головы. Охранник у ограды дремлет, но он ничего не заметит: он может увидеть обыкновенных людей, но не это существо. Зрение обычного человека не разглядит и его тени... Незванный гость опустил у порога за оградой и на пару секунд, поправляя косынку, приоткрыл лицо. И если бы кто-то в этот момент находился рядом, то разглядел бы женщину с очень привлекательными чертами лица, которые, однако,

портила на редкость злая усмешка. Женщина едва слышно пробормотала:

— Ну вот, мой кукушоночек, ты теперь должен пожить и выжить отсюда всех. Но не бойся, твоя мама Лилиана еще к тебе вернется... И тогда ты будешь хозяйкой этого города — для начала. А потом и всей страны.

Женщина ровно шесть раз постучала в дверь и моментально растаяла в ночи.

— Кого в такую непогоду карачурт принес?! — прокряхтел привратник, удивляясь про себя: как неведомый гость мог пройти мимо охраны, открыть многочисленные засовы... И обомлел, увидев на крыльце пищащий пакет.

— Вот это гость! Господин Михей!

Хозяева — отец семейства городской голова Михей и его жена Степанида — выбежали на крик привратника и были также немало удивлены подкидышу. Они совершенно не ожидали даже стука в дверь, ведь прежде надо было преодолеть пост охраны. Или высоченную железную ограду с так тесно прижатыми друг к другу остроконечными прутьями, что палец невозможно между ними просунуть, не то что пролезть. Привратник (а звали его Никифор) решил, что это охранник дал маху. Однако тот божился всеми святыми — мимо него не прошмыгнула даже мышь. Никифор бы не поверил, но его насторожило странное

обстоятельство: дождь еще не успел смыть следы, тем более что крыльцо было под навесом, и неведомый гость должен был оставить какие-нибудь следы. Никифор и обнаружил их, но только в одном месте, как будто гость сразу оказался перед их крыльцом, а потом так же сразу испарился. Как нищенка подбросила ребенка, осталось загадкой. (В том, что это нищенка, никто не сомневался: кто ж еще на такое способен. Не могла же подбросить ребенка женщина из княжеского дома).

Ребенка распеленали и обнаружили, что это девочка. Нашли ее вполне милой и здоровой. На пеленках прочитали странные знаки: Л — L — Λ — λ — 1. И еще несколько малопонятных букв. Их смог разобрать только сам Михей, учившийся в юности в академии.

— Может, ее так зовут? Может, она дочка заморцев? — предположила Степанида.

— Это написание одной и той же буквы, только в разных алфавитах: наша буква «люди», тридевятземельская эль, хеллинская лямбда, арабская лам, хитрованская ламед.

— Вот и назовем ее Лолой, так звали мою тридевятземельскую подругу, — решила Степанида. Михей возражать не стал. То, что ребенок остается в их семье, было делом как бы само собой разумеющимся.

...Девочка росла своенравной и капризной. Михей и Степанида всплескивали руками: дитя растет жестокое и бессердечное! Лола все время норовила сделать Татьяне — а так звали родную дочь — какую-нибудь гадость. То кипятком вроде бы невзначай ошпарит (та еле успеет увернуться), то также вроде бы случайно толкнет с берега в реку, когда никто не видит, а то наклеузничает родителям то, чего и в помине не было. За глаза (а порой, когда выводила из терпения, и в глаза) ее звали Лола-кукушонок, отчего подкидыш злился еще больше.

Приемные родители не делали разницы между родной и приемной дочерью: напротив, неродную дочь, чтобы она и намеком не догадалась, что она неродная, баловали больше. Первая конфетка ей; если у родителей нечетное количество яблок, Лоле доставалось на одно больше. Самое дорогое и лучшее платье — ей. Дошло до того, что настоящая дочь Татьяна однажды устроила истерику родителям: я вам неродная! Еле-еле успокоили. И тем не менее, несмотря на такую избалованность (а может, и благодаря ей), Лола не переставала ненавидеть свою сестру, считая, что именно ей, Лоле, должно доставаться самое лучшее. Но такая самоуверенность сыграла с Лолой злую шутку: достигнув совершеннолетия, она думала, что ей

жизнь сама на блюдечке будет подносить подарки. Но на деле получилось иначе.

Однажды Михей как провинциальный городской голова был приглашен со всей семьей на Всемоксанийский светский бал, на котором, само собой, Мокшанийский кесарь должен был присутствовать со своей семьей — женой и сыном Константином, который достиг «возраста жениха» и должен был выбрать себе невесту из лучших красавиц кесаревства. Лола с ходу решила: кесаревич мой! И когда объявили белый танец, ринулась к нему со всех ног. Но Константин, танцуя с одной сестрой, косил глазами в сторону другой. Лола же на этом балу не давала кесаревичу прохода, решив, что охмурила его навеки. Представьте ее изумление, когда Константин прислал сватов, чтобы сосватать... Татьяну. Лола возненавидела сестру еще больше, а заодно и ее будущего мужа. Все домашние, напротив, от мала до велика, вздохнули с облегчением: Татьяна уходила из отчего дома в мужнин, следовательно, Лола будет ее меньше видеть и досаждать. А там, Адонай даст, сварливая сестра сама выйдет за кого-нибудь замуж. Татьяна жила ожиданием свадьбы и считала дни до счастливой даты.

Но не тут-то было. Лола решила во что бы то ни стало свести счеты со своей сводной сестрой. Строила планы мести — но ни один из них ей не

нравился. Или они были труднодостижимы, или очень мелки. А хотелось большой и красивой мести, чтобы на всю жизнь. Однако ничего не придумывалось.

Но вот однажды на улице к Лоле подошла женщина в черном и схватила за руку.

— Отойди от меня прочь, нищенка, не видишь, кто перед тобой! — закричала Лола. Но нищенка показала на край своего рукава, где были вышиты те самые знаки, что и на пеленках Лолы, и пробормотала:

— Видишь эти буквы?

— Да, такие были на моих пеленках.

— Иди за мной! — велела *черная гадалка*.

Так звали в городе эту женщину за то, что она держала свой астрологический салон и предсказывала людям и городу разные бедствия, которые сбывались тютелька в тютельку: неурожай, ураганы, эпидемии и прочие «прелести». Хорошие новости она не пророчила, только плохие — поэтому и звалась «черной гадалкой».

Она привела Лолу в свою каморку, увешанную разными диковинными травами. На очаге большой котёл пыхал густым дымом, и воняло непереносимым смрадом какое-то зелье. (Лола заткнула нос, а старухе хоть бы хны). Само собой, на столе чаша в виде черепа.

Гостья ожидала увидеть в коморке и черную

кошку, как у всех уважающих себя ведьм. Или на крайний случай черную ворону. Однако вместо кошки и вороны старуха держала черного, словно сажа, полухорька-полукрысу, который вольготно развалился на кресле-качалке. Заметив Лолу, хорек-крыса подмигнул, как ей показалось, левым глазом:

— Приветствую твое существованье, о прекрасная Лола!

Девушка не успела ничего сообразить, как гадалка осадила хамоватого зверька:

— Помолчи, Сатир! — и объяснила: — Это мой верный слуга.

Черная гадалка махнула своим покрывалом и... тут же оказалась не сморщенной и скрюченной годами старухой, а статной красивой женщиной лет сорока в вечернем аристократическом платье. И они находились не в каморке, а в прекрасной мраморной зале. На ломберном столике вместо черепа — золотая чаша с фруктами, бутылка хорошего виноградного вина. Рядом — мягкие кресла. Вместо дымящей печи с котлом — вполне уютный камин. Вместо смрада запахло благовониями. А полухорек-полукрыса тут же обернулся карликом в дымчатой накидке, он качался в кресле-качалке и курил гаванскую сигару.

— Займись делом! — прикрикнула на него госпожа, но избалованный слуга и ухом не повел.

Он лениво, нехотя приподнялся с кресла, потом бухнулся в него снова:

— Знать бы еще каким?

— Кто вы? Где я? — удивилась гостья.

— Я — Лилиана, княгиня Подгорного царства, а ты моя дочь — Лола. А это наш с тобой замок.

— Я — ваша дочь?! — никак не могла опомниться Лола.

— Да! Мы, наконец, нашли друг друга, и это хороший знак. А мой слуга Сатир — твой будущий напарник. Будете работать в паре.

— Чести не имею, но к вам, госпожа, со всем уважением, — расшаркался карлик. — Так как насчет дела, если напарница появилась?

— Сгинь! Дело ему подавай. Дядя Ваня недоделанный! Всему свое время. Напарницу обучить еще надо. Сгинь, кому говорят! — карлик недовольно поднялся с места, чтобы удалиться, но ведьма остановила его: — Подожди, есть дело! Иди к сенатору Федосею — говорят, он завистливый, посмотри на него, может, сгодиться для чего.

— Другое дело, — расплылся в ехидной улыбочке слуга, стряхнул пепел с сигары в пепельницу-череп и... как сквозь землю провалился, словно и не было его.

А ведьма обратилась к дочери:

— Скажи, чего ты хочешь больше всего на

свете. Я тотчас это исполню!

— Больше всего на свете я хочу отомстить своей сестре Татьяне.

— Я сведу ее в могилу в три дня.

— Нет, для нее это будет очень легко. Я хочу, чтобы она жила, но жила в нищете и болезнях, а ее муж — кесаревич Константин — ничем не мог помочь ей. Чтоб у них никогда не было детей. Чтобы их жизнь была долгой и мучительной. Чтобы я могла в любой день подойти и позлорадствовать над ее несчастьями.

— О! Моя кровь! — Лилиане понравилось желание дочери. — Будет проще, если ты сама будешь насылать на нее несчастья.

— А разве это возможно?

— Приходи ко мне каждый вечер после захода солнца. Я научу тебя многим интересным штучкам. А пока возьми вот этот порошок и подсыпь в бокал своей сестрице, — усмехнулась черная гадалка, протянув своей дочери мешочек с каким-то порошком.

На свадьбе Лола совершенно неожиданно для всех решила произнести тост за счастье своей сводной сестры и незаметно подменила бокалы, подсунув Татьяне отраву. Как на грех, этот бокал по рассеянности взяла жена первого сенатора Мокшании Федосея Марта. Пришлось подменять второй раз. И Татьяна, и Марта выпили отраву и к

вечеру занемогли обе. Позвали лучших лекарей. И оказалось, что болезнь излечима, но даёт нехорошие последствия: у Татьяны и Марты никогда не будет детей.

Татьяна переехала жить к мужу в столицу Мокшании город Мокошь. Навещать родные места желанием не горела. К себе приглашала чуть ли не каждую неделю — родителей, но не сестру. Зная это, Лола сама навязывалась в гости. Встречали ее холодно и под всяким благовидным предлогом старались поскорее выдворить вон. А та, зная о болезни сестры, все колола ей глаза: «А что ребеночка не ждешь? Пора бы уж». Татьяна не терялась с ответом: «Так в твои года замуж тоже пора». Сводная сестра в ответ хитро ухмылялась: «Погоди — это только начало...»

Вторая глава

Мокшанийский кесарь Константин и его жена кесарица Татьяна жили-поживали да добра наживали, потому что добрые были люди. И все было бы хорошо, да вот не было у них детей. Как только ни просили они Адоная: и в монастыри к старцам и старицам паломничали, и перед иконами часами поклоны били, в церкви каждый уголок знали. Многие болезни мимоходом излечили, но деток не намолили. Много богаделен и приютов

открыли для сирот, стариков и увечных, не сосчитать. Уж совсем они было смирились со своей судьбиной, когда кесарица решила совершить, одевшись простолюдинкой, последнее паломничество к Святому Пайгармскому источнику. Если уж и в этот раз ничего не получится — то так тому и быть.

За версту от источника, когда Татьяна и два ее телохранителя переправлялись через реку по небольшому мостику, они стали свидетелями неприятного зрелища: на той стороне какой-то дико взлохмаченный и злой мужик нещадно хлестал по лицу девочку-подростка. Кесарица нахмурила брови, не любила она, когда вот так запросто колотят смертным боем детей. Телохранители поняли все правильно, ринулись на выручку и остановили верзилу.

— За что ты ее бьешь?

— Она воровка! Она украла у меня кошелек! И хотела убежать! — орал с каким-то надрывным сипом мужик, телосложению которого мог бы позавидовать цирковой силач.

— Неправда! — закричала девочка. — Мой отец еще год назад дал тебе денег в долг, а ты не хотел отдавать. Мой отец болеет, ему нужны деньги на лекарства!

— Она лжет, евино семя! Я ее знать не знаю! — доказывал свою правоту мужик.

— Неправда, — плакала девочка, — ты наш сосед. И зовут тебя Борис Епифанович.

— Это правда? — поглядела в глаза мужику кесарица.

— А кто ты такая, чтобы дознаваться?! Может, кесарица? — усмехнулся мужик. — А я староста села. Поняла? Староста!

Телохранители сделали было угрожающий жест, чтобы указать мужику его место, но Татьяна остановила их движением руки.

— Сколько он должен твоему отцу? — спросила она девочку.

— Сто гривен.

— Ого, да на эти деньги можно целую конюшню купить, — ахнула кесарица (она немного преувеличивала, но такие деньги для селян действительно были немалые). — Зачем же вы дали ему в долг?

— Мой отец купец. Он всегда давал деньги Борису Епифановичу, прежде тот всегда отдавал. Борис Епифанович играет в карточных домах и делает ставки в петушиных боях. Он задолжал большую сумму, пришел к нам, стал божиться, что отдаст через месяц. Отец пожалел его. А потом... потом отец тяжело заболел. Мы почти разорились. Ведь у нас есть еще и Яшка, мой младший брат. Отцу нужны дорогие лекарства. А этот... — девочка кивнула в сторону соседа, — только и

делает, что ходит по карточным домам да петушиным боям, денег не отдает.

— Она лжет, евино семя, ишь какую сказку придумала, чтоб в кутузку не садиться! — орал мужик.

— А что: пойдём в кутузку, там разберутся, должники и воры там не в чести в равной степени, — предложила кесарица.

— Не докажете, я никакой расписки не писал! — ляпнул староста и прикусил язык, поняв, что сморозил глупость.

— Ага, значит, все-таки деньги в долг брал?! — кесарице стало все ясно. Она обратилась к девочке: — Как тебя зовут?

— Ольга.

— Отдай ему его кошелек! С него тебе все равно прибýtка не будет!

Девочка с неохотой протянула кошель соседу. Тот жадно, словно боялся, что кесарица передумает, схватил кошелек обеими руками.

— Возьми вот этот кошель, Ольга! Он лучше, с вензелем! — кесарица достала из сумки свое портмоне с кесарским вензелем и протянула его девочке: — Тут хватит и на лекарства, и на твоего младшего братика.

— Спасибо, госпожа, — девочка явно не ожидала такой развязки, но от подарка не отказалась.

— Да не за что, — улыбнулась Татьяна, а потом повернулась к одному из телохранителей: — Не забудь, Георгий, надо сменить старосту села Пайгарм. Слишком жаден. Запиши себе где-нибудь.

— Будет сделано, кесарица, — отвечивал тот.

И мужик, и девочка открыли рты от удивления. Вот уж чего не ожидали они, так это встретить в своей глуши самую кесарицу! А та поспешила дальше, оставив их стоять в изумленном оцепенении. Федор Епифанович, только кесарица скрылась из виду, подлетел коршуном к девочке, пытаясь отобрать портмоне, но только дотронулся до него, как тут же его рука повисла сухой плетью.

— Ведьма! — закричал он на девочку и со всех ног кинулся прочь. А девочка вертела в руках кошелек, совершенно не понимая, что произошло.

Чуть погодя, у источника Татьяна повстречала благообразную бабушку, которая навзрыд плакала:

— Богатая госпожа, дай мне, пожалуйста, хотя бы одну монетку, хотя бы медную... Я должна нашему старосте деньги, а он грозит, если не отдам, упечь меня в долговую яму. На старости лет в тюрьму садиться — позор-то какой!

— Этот хлюст и здесь напортачил! — ахнула Татьяна. — Зачем же вы у него денег займы просите, если он из-за гроша удавится?!

— А куда деваться? У меня муж помер, а

денег схоронить нет. Мы люди бедные, на черный день даже не осталось ничего. Вот и пришлось просить старосту, а он деньги только в рост дает. У меня была денежка на долг, а под процент-то не хватило. Вот и хожу собираю, кто чем поможет. Лучше б Адонай меня прибрал к себе.

Татьяна хлопнула себя по карманам — вот ведь, кошель-то девочке отдала. Тогда она сняла с руки перстень, подаренный мужем в день свадьбы, и протянула бабушке:

— Денег у меня нет, бабушка, вот перстень есть. Продай его, здесь не только на долг этому старосте, но и на безбедную старость хватит.

Старушка поклонилась, стала вертеть перстень в руках, и вдруг мягко ухватила Татьяну за локоть:

— О чем молишь — сбудется.

— Кто вы? — кесарица с удивлением смотрела, как на ее глазах старица становится прекрасной статной молодой женщиной.

— Я — помощница Адоная, фея Эйлина. Адонай испытывал тебя, Он боялся, что твоя доброта непрочна и вызвана только личной бедой. Господь любит доброту бескорыстную. Если хочешь — я стану крестной матерью твоего будущего сына.

— Моего будущего сына?! — пришел черед удивляться кесарице. Теперь она была в роли той

девочки-подростка, которую облагодетельствовала пять минут назад. — Да я об этом и мечтать не смела!

Эйлина вернула перстень Татьяне:

— Никогда не дари подаренное — нехорошо это.

Ольга ну никак не ожидала встречи с самой кесарицей. На самом деле, отчаявшись вернуть долг, она неудачно пыталась стащить злополучный кошелек, но, на ее счастье, поблизости оказалась кесарица Татьяна. Эти деньги пришлось очень кстати. Теперь их семья раздаст все долги, да еще про запас останется. Отец выздоровеет. А черный человек не возьмет за долги ее брата Яшку. Она прибежала домой вприпрыжку:

— Мама, тятя, у нас есть деньги, много денег!

Ответом было молчание. В доме стояла странная тишина. Или даже разлитая по всем углам и стенам пустота. Как будто люди покинули этот дом навсегда. Но почему «как будто»? Заподозрив неладное, девочка поспешила за околицу и там увидела родителей. Отец полуобнимал плачущую мать. Ольга все без слов поняла: пришел тот крысеныш и за долги взял с собой ее младшего братика Яшку, всего малость не хватило, чтобы спасти брата.

— Мама, тятя, у нас есть деньги! — повторила

она тише и скорее по инерции.

— К чему они сейчас? Поздно, дочка, — пробормотал отец и сам заплакал. Это была цена его ошибки, допущенной семь лет назад.

Третья глава

Началось все с того, что купец Трифон поехал за товаром в далекую Тридевятиземелию, где не ведают мокшанийского языка, зато товаров дешевых полно, на любой вкус, выбирай — не хочу. Немного задержался в пути. И когда уже был почти у дома, в Пензи нском краю, ограбили его разбойники. Пензи нский край недаром считается краем обманщиков и разбойников, за что его и прозвали древние мородины «Пензя » (пути нет), а всех местных жителей полупрезрительно — пензюками. И ведь можно было обойти-объехать, так нет, Трифон понадеялся на авось. Вроде и охрана у его обоза была, а получилось — как и не было ее. Разбежалась охрана, и самого чуть пензюки-разбойники не прирезали. Оказавшись в чащобе без единой монеты в кармане, купец горько заплакал. Дома его ждали жена и маленькая дочка, кредиторы требовали отдачи долгов. Он рассчитывал расплатиться с ними товаром, однако человек предполагает, а Адонай располагает. Вышел купец к какой-то мельнице и нанялся в

батраки к мельнику, чтоб хотя бы плату взять мукой, а потом ее продать. Почти месяц проработал у него. Но мельник был пензюк, и, следовательно, тоже обманщик и плут. Обманул, заплатил только за неделю работы. А когда Трифон стал возмущаться, хозяин велел своим двум дюжим сыновьям выгнать его взашей.

Совсем отчаялся купец от таких жизненных передраг. Сел на берегу реки и подумал вслух: «Жизнь всегда дает выбор: утопиться или повеситься?! Эх, да я бы сейчас все на свете отдал за то, чтобы вернуть свое богатство. Отдам хоть Адоною, хоть карачурту». В этот момент он почувствовал, что на него кто-то пристально и неотрывно смотрит. Обернулся — и увидел странное существо: полухорька-полукрысу.

— Ну, что уставилось, глупое животное? — купец еще не сообразил, кто перед ним.

— Да вот, смотрю на умного человека и думаю: если он такой умный, то почему такой бедный?! — неожиданно на чистейшем мокшанийском языке произнесло странное существо.

— Ты... разговариваешь... — остолбенел от такого поворота купец.

— А почему бы мне не разговаривать?! Ты же разговариваешь, и никого это не удивляет, — хмыкнуло существо.

— Но я же человек, а ты... животное.

— Сам ты животное — прямоходящее и говорящее, — не уступал зверь, волчком обернулся вокруг своей оси и в один миг превратился в маленького и очень некрасивого человечка, одетого в дымчатый плащ. — Будем знакомы: Сатир.

— Кто ты?

— Кто я? Я и сам не знаю. Я один из тех, кто хочет одно, а творит совершенно другое, или как там сказал один алеманский поэт. В цитатах я не силен, — голос у Сатира неожиданно сорвался, перейдя с тенора почти на детский фальцет. С ним всегда такое бывало, когда он «начинал» работу с потенциальным «блюдом».

— Ну, и какое благо ты можешь мне сделать?

— Богатство тебе верну, которое у тебя украли пензи нские воры. Ведь украли, я прав?

— Откуда ты знаешь? Ты чародей?

— Вроде того...

— И как же ты вернешь мне мои товары? Неужели пробудишь в ворах совесть, и они принесут мне мое добро да еще и извинятся?! — усмехнулся купец, не веря в подобное чудо.

— Нет, зачем же. Что с возу упало, то не вернуть. У меня есть более радикальное средство: неразменный кошель. А по-умному — неразменное портмоне.

— Чего?

— Чего-чего! Народные сказки читать надо! Дам тебе кошелек, в котором деньги никогда не будут переводиться. Причем не только наши, но и заморские: там, фрязинская лира или тридевятьземельская евра, — человек щелкнул пальцами и на его ладони возник как бы сам собой кошель-портмоне. В золотисто-серебряных бусинах, с изображением чертика с кредиткой в руках, одетого в красную маечку с белой поперечной полосой, на этой полосе в ромбе буква «С» (то бишь — Сатир). — Только за это...

— Я должен продать свою бессмертную душу? — купец боязливо поежился.

— Ну, зачем же сразу душу?! — усмехнулся Сатир (подумал про себя: «Есть более интересные варианты»). — За это ты отдашь мне то, чего не знаешь, что есть в твоём доме.

— Всего-то? — улыбнулся Трифон. — Я в своём доме все знаю. Я в своём доме хозяин.

— Ну-ну, мы это ещё посмотрим. По рукам?

— По рукам! — согласился купец, Сатир отдал кошель и исчез. Трифон даже не успел спросить, как обращаться с этой волшебной вещью. Впрочем, уже в ближайшем городе под смешным названием Неровный Чат он опробовал приобретение: зашел в трактир, где сытно пообедал. Отдал все имеющиеся в кошельке деньги. Вышел из забегаловки, открыл кошель и был

приятно удивлен: там опять лежали деньги. Та же сумма, даже больше. Причем отдельно местные деньги и отдельно, в конвертике — заморская валюта: евра, талеры, марки, даже червонец хитрованских шекелей. Тут Трифон сообразил: как повезло! Хотел сразу закупить товара, однако передумал — а зачем, собственно, ему этот товар, если в кошеле деньги все равно не переводятся?

И только вернувшись домой, узнал, что совершил непоправимую ошибку, погнавшись за длинной и легкой гривной. Оказалось, что пока его не было, жена Людмила родила сына Яшку. И понял Трифон: это именно то, что требовал у него взамен Сатир.

Нечистый дух пришел к нему на следующий же день. Купец испугался и стал умолять Сатира не забирать сына. Он готов был отдать и кошель, и даже выплачивать неустойку за нарушение договора. Только не отдавать сына.

— Уговор дороже денег! — Сатир уже не выглядел тем обаяшкой, что при первой встрече, в его интонациях сквозила жесткость. Но все-таки он поддался на уговоры: — Хорошо, ты отдашь кошель, но в течение семи лет ежегодно будешь выплачивать неустойку. Тысячу мокшанийских гривен, тысячу заморских талеров и тысячу алеманских марок. И это наш последний уговор. Не выполнишь — пеняй на себя.

Купец покорно вернул кошель и шесть лет честно платил неустойку. Экономил на всем, но договор выполнял. Может быть, все и уладилось бы, но Трифон внезапно тяжело заболел. Это привело к упадку его дел. Во-вторых, он пал жертвой собственной доброты, дав займы большую сумму соседу Борису Епифановичу, в дым проигравшемуся в карточном доме. Если бы сосед вернул деньги, все бы уладилось. Но тот, увидев, что у Трифона дела пошли под гору, и не подумал отдавать. В назначенный срок, который истекал сегодня ровно в полдень, Сатир пришел требовать долг. Не получив требуемого, в половине первого злой дух похитил сына Яшку.

Трифон, Людмила и их дочь Ольга стояли втроем на околице и плакали, когда мимо проходила старица:

— Люди добрые, помогите, чем можете. Я схоронила мужа в долги, а староста, супостат, просит вернуть долг раньше времени. Иначе, говорит, засажу тебя, старуха, в долговую кутузку.

— Берите, — Трифон отдал старухе кошелек кесарицы: зачем ему деньги, если сына больше нет.

Старица открыла его, взяла одну монетку, остальное вернула, сказав неожиданное:

— Ах, Трифон, Трифон, ты ошибся дважды: когда на мельнице договорился с самим чертом, а второй раз, когда не стал просить Божьей помощи,

передоговорившись опять с чертом. Ведь именно он подстроил, чтобы ты разорился и не смог выплатить неустойку.

— Откуда вы знаете?

— Мы, Странники, многое знаем. Но не бойтесь. Сын ваш вернется и даже спасется, если...

— Если?.. — хором воскликнули все трое.

— Если не повторит ошибки отца. Если будет договариваться с карачуртом — погибнет, и жизнь потеряет, и душу свою бессмертную вместе с нею.

Четвертая глава

Беда бездетности мучила и семью первого сенатора мокшанийского кесаревства Федосея. А все из-за того, что на свадьбе кесаревича молодая жена сенатора Марта нечаянно отхлебнула из бокала Татьяны. Три года и три месяца жили они в браке, а деток так и не нажили. Молили-молили — не помогло, и устали молить, отчаялись. В конце концов, Марта махнула на все рукой: «Что без толку лоб перед иконой расшибать: все равно не помолим, Вседержитель равнодушен к бедам людей».

Однако Федосей не опускал рук: от слуг узнал, что в городской гадальной лавке промышляет предсказаниями и чародейством «черная гадалка». Что предскажет — все сбывается.

Сплетничали: она занималась не только гаданиями, но и целительством. Федосей и Марта решили попытать счастья, оделись простолюдинами, пошли к ней на прием.

Выстояли длинную очередь. Гадалка жила в ветхой, с первого взгляда, лачуге-развалюхе. Но внутри было чему удивиться. С одной стороны — закопченное помещение, нещадно дымящееся варево над огнем, мебель древнее антикварной раз в сто. С другой — золоченая чаша на крепком дубовом столике, на руке у гадалки — ветхой на вид старушенции — перстень с алмазом. И вот таких странностей — пруд пруди. Первый сенатор аж устал их подмечать. На левом плече у гадалки сидела чистенькая остромордая жаба, которая внимательно следила за всеми движениями хозяйки. На правом, положив морду на грудь хозяйки, дремал чернильного цвета полухорек-полукрыса. Время от времени он поднимал голову, лениво обмахивал себя хвостом, сонно оглядывал гостей, и тут же вновь погружался в дремоту.

Марта нехотя, боязливо (а вдруг небеса рухнут на землю?) подала гадалке руку. Старая ведьма усмехнулась:

— А ведь вы не те, за кого себя выдаете. Вы птицы большого полета. Ну-ка, Лолочка, покажи, чему ты научилась: кто это? — обратилась ведьма к

жабе. Та в ответ на чистейшем мокшанийском языке проквакала:

— Это Марта, жена первого сенатора нашего кесаревства, а это и сам первый сенатор Федосей, или как его еще называют в народе — Федосей-Бедосей. Я угадала?

— Верно, злые языки меня так и зовут, — усмехнулся Федосей. — Народ не любит меня. Налоги собираю, и никому спуска не даю.

— Знать, не все могут власти, коль нужда заставила тебя прийти ко мне, — старуха была спокойна, а вот гости очень волновались. У Марты дрожали руки, а первый сенатор обливался потом. Он почему-то очень боялся этой женщины. Очень.

— И это верно, — отвечал он. И они с женой поделились с ведьмой своим несчастьем.

— Ну что ж, беда сия не есть велика, — рассмеялась ведьма и протянула просителям небольшую баночку, на вид гуталиновую: — Вот, возьмите это снадобье — это волшебная мазь. Намажьте себе лоб, запястья рук и живот. Не забудьте снять нательные кресты и не надевать их, пока жена не понесет.

Марта осторожно взяла баночку и спрятала в карман. Первый сенатор вынул кошель, чтобы расплатиться, но Лилиана жестом остановила его:

— Мне не нужен этот металл. Мне нужна другая оплата.

— Какая? — Федосей внутренне задрожал, представляя, что может захотеть ведьма: заставит немедленно подписывать договор о продаже их с женой бессмертных душ. Кровью. Марта тоже это почувствовала и вцепилась в мужнин локоть так, что Федосей чуть не вскрикнул от боли.

— Не бойтесь, ничего невыполнимого я не прошу. Марта, да отпусти локоть своего мужа, а то он умрет от боли, — усмехнулась черная гадалка. — Я прошу об одолжении: я хочу быть названной матерью вашего будущего дитяти.

— Всего лишь?!

За рождение наследника первый сенатор был готов заплатить гораздо большую цену. У него сразу отлегло от сердца — вернее, от кошелька.

— Не перепутайте: не крестной, а названной матерью! — уточнила старуха.

Сенаторская пара возвращалась домой в приподнятом настроении. Перед своим домом неожиданно наткнулись на убогую нищенку, опиравшуюся на костыль.

— Добрый человек, подай монетку, я схоронила сына, надо теперь отдать долг. Если не отдам долг, то меня упекут в долговую яму.

— Пошла прочь, старая дура, нечего брать в долг у кого попало, — усмехнулся сенатор, оттолкнув старушку. Марта брезгливо поморщилась, хотя эта нищенка выглядела гораздо

опрятнее «черной гадалки». И даже протерла носовым платком свой манжет, за которой ухватилась было старушка.

— Этих бродяг развелось уж очень много. Убеди сенат и кесаря принять закон о запрете нахождения в столице всяких попрошаек, — зашептала жена мужу на ухо.

— Пожалуй, ты права, — согласился муж.

А фея Эйлина, а это была она, только грустно покачала головой вслед уходящей чете — так жалеют недалеких людей, которые не слушают ничьих советов о предстоящей опасности и упрямо хотят попасть в беду.

Дома сенаторская пара, не откладывая дело в долгий ящик, выполнила все гадалкины предписания слово в слово, намазав себе лоб, запястья рук и живот этим «эликсиром». Чуть было не забыли снять с себя нательные кресты, но Марта вовремя вспомнила, и это условие также было соблюдено.

Лилиана не обманула: через три дня Марта понесла. И в положенный срок родила мальчика, которого нарекли именем Лютослав. Так захотела Лилиана.

Счастливые родители, к изумлению родственников, позвали в крестные матери какую-то пришлую, малознакомую и полунищую старуху, имени которой сами толком не знали.

Черная гадалка пришла на торжество все с теми же домашними питомцами на плечах — умной говорящей жабой и полусонным полухорьком-полукрысой. Но если жаба во время праздника сидела у Лилианы под локтем и ела из отдельно поставленной ей миски, то хорек ожил и бегал под столами, путаясь в ногах у гостей и пугая их до полусмерти. Гости чертыхались, но терпели — все же это домашний зверек самой Черной гадалки! Один из слуг хотел было пнуть нахала, но зверь так на него посмотрел, что слуга не только потерял желание драться, но даже от страха уронил блюдо с яствами. Новорожденным, в отличие от жабы, крысеныш интересовался мало — так, взглянул мельком. И практически ничего не ел, только принюхивался и бормотал чуть слышно себе под нос непонятные слова, будто на ромашке гадал: «Этот мой! Этот не мой! Не мой! Мой!»

Черная гадалка сидела по правую сторону от родителей и все торжество держала ребенка на руках. Если ребенок просыпался и начинал капризничать, жаба обмахивала новорожденного лапками, и он тут же успокаивался и засыпал.

— Что вы хотите для своего сына, или наоборот, не хотите, чтобы он с чем-то сталкивался? — поинтересовалась названная мать сначала у Марты.

Та, подумав минуту, попросила:

— Хочу, чтобы мой сын никогда не знал болезней и нищеты, — сама она происходила из небогатой семьи и знала цену всякому лиху.

— Так и будет! А что попросит отец?

— Хочу, чтобы мой сын стал выше меня, но не по росту, а по должности. Хочу, чтобы не он был при ком-то, как я при кесаре, а он сам стал кесарем, и чтобы люди были при нем, всегда, всю его жизнь, — то ли в шутку, то ли всерьез пожелал первый сенатор.

— Так и будет! — усмехнулась черная гадалка. Еще накануне она всю ночь варила какую-то чародейскую смесь в своем ведьмином котле, а наутро налила три пузырька: один — нескончаемого богатства, другой — неборимой власти, третий — прижизненной славы. Приготовила из остатков и еще один пузырек, смешав туда капельки первых трех и получив смесь хвастовства, гордыни и жадности.

И надо же было случиться такому совпадению, что всего тремя днями позже кесарица Татьяна тоже подарила мужу сына, которого нарекли Семеном. Как и предсказывала Эйлина, это произошло меньше чем через год после Пайгармского хождения кесарицы.

Эйлина прибыла на крестины в очаровательном снежно-белом платье настоящей

феи с длинным шлейфом, края которого держали два пажа лет по семи. На семейном торжестве она спросила у кесарской четы:

— Что вы хотите для своего сына?

— Да у него все есть: зачем желать того, что есть? Он сын богатых родителей, наследник кесарской власти, которая принесет в будущем почет и славу. Поэтому хочу, чтобы он стал настоящим мужчиной: мудрым, как Соломон, отважным, как Ричард Львиное Сердце, и благородным, как рыцарь Тристан — ныне это такая редкость.

— А я хочу, чтобы он вырос добрым и порядочным человеком. Что еще нужно матери?! Чтобы родители могли гордиться своим сыном, а не краснеть перед людьми за его дела. Чтобы деньги не превратили его в жадного ростовщика, чтобы люди любили его за его дела, а не за чины и богатства, чтобы власть не сгубила — власть портит людей, — пожелала Татьяна.

— Что ж, я, по-твоему, порченный? — обиделся Константин.

— Ты лишь исключение, подтверждающее правило, — улыбнулась в ответ жена.

— Как скажете, — рассмеялась Эйлина. Она загодя приготовила свой подарок, и только обрадовалась, когда мечты родителей совпали с ее замыслом. Она подарила кесарскому сыну дивную

смесь: три капельки мудрости царя Соломона, три капельки доброты святого Николая Чудотворца-Угодника и три капельки отваги великого Георгия Победоносца. А от себя добавила по капельке оптимизма, чувства юмора и осторожности.

Пятая глава

Черный, как смоль, хорек неспешно трусил по закоулкам столицы Эрзинского княжества города Эрзини. А если быть точным — по задворкам княжеского дома. Слева мелькнула мышеловка с засохшим прошлогодним сыром: видно, мыши знали о ней еще от прабабушек своих прабабушек, и не трогали. «Бесплатный сыр», — хмыкнул хорек и пробежал мимо. Время от времени он поднимал кверху нос и что-то вынюхивал: «Он должен быть здесь, мой вкусный деликатес!» Наконец хищник остановился у красивой резной двери, украшенной изображениями причудливых зверушек.

Еще раз принялся и довольно повёл мордой: «Ага, подлостью пахнет — не иначе как чья-то душа гниет». Хорек стал искать лаз и довольно быстро нашел его. По другую сторону он обернулся уже не хорьком, а маленьким получеловечком-полукозлом. Но на самом-то деле это был не хорек, и даже не колдун, это был

Падальщик, тот самый слуга черной гадалки Лилианы — Сатир. Человек-карлик с козлиными ногами и бородкой под Мефистофеля, немного прихрамывающим то на одну, то на другую ногу. Внешний вид его был мерзок и ужасен, поэтому, чтобы не пугать людей (а ему надо было именно не пугать, а наоборот — привлечь), он надевал небольшой туманный плащ, который хоть и не мог закрыть полностью его безобразного тела, но в глазах собеседников размывал детали. Но чаще всего Падальщик принимал образ какого-нибудь зверя и под этой личиной выслеживал добычу-душу. И только непосредственно перед трапезой он являл добыче свой истинный облик.

Больше всего на свете это существо любило пожирать человеческие души, словно какой-нибудь тридевятземельский гурман — лягушачьи лапки. Причем он любил не просто души, а с запашком — прогнившие до основания от злобы, ненависти и греха. *Просто душа* его не интересовала. Более того, от светлой и чистой души его воротило, как от самого ядовитой отравы. За это Сатира и прозвали Падальщиком. Appetit у него был, будто у проглоты. Он вечно рыскал по белу свету в поисках «мертвых» душ. Этой *еды* хватало, но особым его увлечением было не просто найти «мертвую», окончательно готовую к употреблению душу. Он старался найти душу лишь слегка подгнившую,

чтобы самолично довести ее до кондиции. Проще говоря, любил не просто жрать души, но и готовить их, как готовит какое-нибудь мясное азу повар-профессионал. Он получал удовольствие от самого процесса.

Запах гниющей души привлек его и в этот раз. В чисто убранной комнате он увидел молодого человека, который вертел в руках нож. И тут же, будто в голову ему пришла какая-то мысль, остервенело воткнул его в деревянный стол — да так, что стоявшая на столе ваза с фруктами чуть не слетела на пол. Какой колоритный запах почуял Падальщик! Коктейль из ненависти, зависти и жадности. Он посмотрел внимательно на человека и через минуту знал про него почти все. Эта душа еще не готова к окончательной трапезе. Но это и к лучшему: надо еще немного подождать и поварить. Добавить специй — предательства, зависти, жадности. Добавить, как масла, побольше подлых поступков (кашу маслом не испортишь), обвалить в муке жестокости. Словом, требовалось вмешательство опытного кулинара — а то кто его знает, возьмет и станет исправляться. Начнёшь есть — и отравишься. И не поешь, и заразишься ещё какой-нибудь хронической болезнью вроде совести (вовек не вылечишься!), и аппетит потеряешь...

Перед Сатиром сидел и мучился злобой молодой эрзинский князь Денис. А злобился он на

всех: на своих нерасторопных лакеев, на более, как ему казалось, удачливого брата Михаила, на братову жену Марию, а особенно на отца. Месяц назад отец умер, и Денис как старший сын стал полноправным эрзинским князем. Казалось бы, живи и радуйся, но Дениса грызла страшная зависть к младшему брату Михаилу. Отец говорил, ничуть не стесняясь старшего сына, что младший более рассудителен, более умен и даже шутил, что по разуму старший — Михаил, а не Денис. Старшего это задевало. Но настоящая ненависть возникла, когда девушка, которую он любил — Мария — предпочла ему младшего брата. Но ведь именно Денис первым увидел ее, и именно он на свою голову познакомил ее с Михаилом... Они год как женаты, и недавно у них родился сын Мировлад. А чем Михаил лучше? Ведь внешностью Адонай не обидел старшего брата: породистый, статный, красивый, другая девушка бы почла за честь стать его женой. Но не Мария. Михаил тоже не урод, но все равно и росточком поменьше и в плечах поуже... Дениса съедала ненависть.

— Митька, Митька, карачурт тебя дери! — позвал он слугу.

Тот послушно вышел из прихожей.

— Вина, а лучше водки. И чем больше, тем лучше!

Слуга молча кивнул и ушел исполнять приказ

хозяина.

Через три дня князь Михаил вместе со своим семейством должен отправиться в свой родовой удел Сосово, который достался ему по завещанию отца, и во владение которым он должен был вступить. Оставаться в Эрзини он не горел ни малейшим желанием. Терпеть не мог придворных интриг, хотел жить скромно, по-семейному, да и подальше от своего брата, с которым окончательно испортились отношения. Братья поругались из-за Марии. Прошло семь лет — а ссора как будто вчера произошла.

Почему-то именно этот отъезд брата, который должен был успокоить, вызывал раздражение и даже ненависть у Дениса. Он князь, однако толку от этого никакого. «Все женщины княжества будут твоими», — смеялся отец. Все, кроме той, которую он любит. Денис залпом выпил стакан водки, занюхав бутербродом с сыром и копченым салом.

«Пора», — решил Сатир и юркнул под стол, прикрыв себя туманным пледом, чтобы не испугать жертву.

— Подай, мил человек, убогому на пропитание, — заканючил он.

— Пшел прочь, урод! Митька, Митька! Это ты, сукин сын, впустил ко мне нищего? — заорал Денис.

— Подай, мил человек, а я тебе подам

княгиню Марию в жены, — вкрадчиво зашептал Падальщик.

— Чего? И каким это манером? — вытянулось лицо у Дениса.

— Самым что ни есть обыкновенным — убей брата, а я помогу.

— Ты в своем уме? — Денис чуть не упал со стула.

— А зачем мне чужой ум? Разумеется, в своем, — весело ответил ничуть не смущенный таким ответом Падальщик.

— Ваша водка! — их разговор прервал слуга, принеся на подносе графин водки и стакан. — Я никого не пускал, ваше княжество.

Митька оценивающе посмотрел на хозяина: вроде еще не так сильно пьян, чтобы видеть привидения. Слуга совершенно не понимал, в чем причина княжеского гнева. Впрочем, за всю свою жизнь он привык к капризам хозяина и не удивлялся его причудам. И услышал:

— Иди прочь! Мне показалось.

Заинтересованный предложением Падальщика, Денис изменил решение. Митька послушался, ругая про себя переменчивого хозяина, а старший сын меж тем спросил гостя:

— Кто ты?

— Я — тот, кто вечно хочет глупостей, но делает все по уму, прошу пARDону за неточность

цитаты, — усмехнулся Падальщик. — Но если хочешь знать мое имя — изволь, я — Сатир.

— Тридевятъземелец, что ли?

«Сами вы тридевятъземельцы», — подумал про себя Падальщик, но вслух произнес:

— Что-то вроде того. Ну, так что? Хочешь, помогу?

— А какой тебе в этом резон? Я вот пойду и скажу все брату. Или сейчас позову слуг, тебя схватят, посадят в кутузку и будут пытаться.

— Не будут, времена не те. Век Просвещения на носу, а я ж все-таки тридевятъземелец, а не эрзинец, — рассмеялся Сатир. — К тому же ничего особенного не случится. Во-первых, ты ничего не будешь делать, а во-вторых, резон мой очень даже прост: у нас общий враг. У меня с Михаилом свои счеты, и мне не терпится их свести. Месть врагу — святое дело. Как говаривал один несвятой усатый правитель: надо отомстить хорошенько, и пойти спокойно спать.

Сатир, говоря эти слова, не лукавил. В свое время он подкатывался к Михаилу с предложением заполучить трон и убрать с дороги брата, но тот даже не стал с Сатиrom разговаривать, и из него так и не удалось приготовить любимое Падальщиком блюдо. Тогда рыбка сорвалась с крючка. «Этот не сорвется, — понял Падальщик, — этот намертво сел на крючок, теперь надо подсекать».

— Хорошо сказать — убей! Это ж скандал, меня сразу обвинят в братоубийстве. Соседи разорвут дипломатические отношения, со всеми вытекающими. Вот чем ты, маленький плюгавый урод, можешь мне помочь? — хмыкнул Денис.

«Если б ты знал, какая уродливая твоя душонка?!» — опять про себя повеселился Сатир. Все оскорбительные слова из уст будущей жертвы, даже в собственный адрес, были для него сладкозвучной музыкой. Ибо они значили, что сердце человека ожесточено, и доброты там почти не осталось.

— Конечно, если ты глупо пойдешь напролом и попытаешься пырнуть вот этим ножичком... — Сатир взял в руки охотничий нож, и вдруг завертел им так, что Денис не успевал уследить, а потом вдруг метнул в панно на стене, попав точнехонько в глаз нарисованному медведю.

Это произвело впечатление.

— Но ведь смерти бывают разные, — растолковал Падалыщик, — отравление, удар молнии, несчастный случай, в конце концов — кирпич на голову любому может упасть. Верно?

— Верно, — слабо пропищал Денис.

«Мой, весь с потрохами мой», — ликовал внутри себя Сатир. А вслух продолжал:

— А есть еще неизлечимая болезнь. Так что методов много, выбирай — не хочу.

— Но как?

— Как? Да очень просто. Вот тебе бутылка кальвадоса, — Сатир из недр своего туманного плаща извлек бутылку в виде женской фигурки. — Отнеси ее брату и распей вместе с ним. Выпейте хотя бы по бокалу. Я тебе дам противоядие, и ты ничего, кроме легкого головокружения, не почувствуешь. Брат же заснет крепким сном. Да таким, что отдаст Адоною душу. Подумай над моим советом.

Падальщик обернулся хорьком-крысой и заспешил по своим делам: его ждали еще три догнивающие души, и он хотел проведать, насколько хорошо они прогнили и не пора ли их пожрать. Но тут, как назло, откуда-то из подворотни выскочил баюн: Сатир не успел просочиться сквозь пол — и несдобровать бы ему! Бесплотный дух, конечно, неуязвим, но без телесной оболочки мало что может сделать. Сожри его котозавр, и он, как минимум, на три дня был бы лишен возможности перевоплощаться, а этого никак нельзя допустить. Это словно кандалы на руки-ноги надеть. Падальщик изловчился и в последний момент выскользнул почти из самых когтей баюна. Уф!

На следующий день Денис, как и велел Падальщик, взял бутылку кальвадоса и отправился напрямиком к брату. Михаил обедал со всей семьей: с

женой Марией и маленьким Мировладом.

— Здравствуй, Михаил, здравствуй, Мария, — закашлялся Денис, не зная, как начать. От вида этой семейной идиллии ненависть захлестнула его еще больше, но он спрятал эту ненависть поглубже. Сейчас ему надо изображать братскую любовь, и он ее через силу изображал.

— Здравствуй, Денис, — Михаил очень удивился, увидев брата в своих покоях. Денис в последнее время, особенно после женитьбы брата на Марии, старался избегать встреч, за исключением крайней необходимости.

— Я знаю, ты скоро уезжаешь, давай выпьем мировую. Не хочу, чтобы между нами оставалась вражда.

— Давай, — вполне искренне обрадовался младший родич. Его тяготили их холодные отношения, и такое прощание ему понравилось.

Денис достал бутылку кальвадоса. Он уже намеревался поставить ее на стол, как кто-то сильно толкнул его в спину. Скользкое стекло вырвалось из рук и с дребезгом разбилось о паркет. Денис обернулся и увидел: это Мурзий, любимый котозавр Михаила, толкнул его в спину:

— Привет, Дэн, ты что такой неловкий, все роняешь?

— Как ты меня напугал, Мурзик! Дураком сделаешь. Я из-за тебя бутылку разбил.

Что странно, Денис почувствовал только облегчение. И даже был признателен Мурзию за то, что тот его напугал невзначай.

— Да шут с ней, Дэн, — не расстроился младший брат. — У меня есть бутылочка замечательного токая.

— А у меня с кальвадоса жуткая изжога, — поддержал приятеля котозавр.

Пришлось выпить неядовитого токая.

Сатир был раздосадован такой неловкостью Дениса.

— Кому из нас нужна Мария, мне или тебе? Слюнтяй ты, а не князь.

Впрочем, в этом была и его вина, потому как нужно было предусмотреть и такой вариант. Опять извечные враги котозавры приложили лапу к тому, чтобы помешать Падальщику. Поэтому он предложил новый вариант:

— Поступим гораздо проще...

Ночью — в самый темный час — Сатир, обернувшись в свой туманный плащ, крадучись пробрался в покои младшего эрзинского князя. Благо охраны не было. Михаил тяготился охраной и старался пользоваться ею только в крайних случаях. Падальщик не решился оборачиваться крысой-хорьком, памятуя о котозавре. В опочивальне Сатир снял свой плащ, который казался легким покрывалом, и накрыл спящего

Михаила. Дыхание князя изменилось, он стал дышать все реже, и реже, и тяжелее... пока, наконец, его грудь не перестала подниматься. Падальщик спокойно протянул руку, чтобы взять свой плащ — и тут на него сзади кто-то прыгнул...

Утром разнеслось, что ночью скоростижно умер младший эрзинский князь Михаил. И все поверили бы в естественность кончины (хотя какая естественность, когда умирает молодой, полный сил человек), если бы рядом с кроватью не нашли бездыханного котозавра Мурзия. Тело его было все в крови. Перед смертью котозавр с кем-то отчаянно дрался и был побежден... Сразу же поползли слухи, что младший князь был задушен, а котозавр пытался спасти хозяина, но не смог, потому что разбойников оказалось очень много.

Денис был недоволен, он выговаривал Сатиру:

— Ты же говорил, что все будет естественно, что никто ничего не заподозрит, а получилось....

— Кто ж знал, что котозавр осмелится меня атаковать. Я еле унес ноги, пришлось магию применить.

— Не хватало еще, чтобы про меня говорили, что я колдун.

— Не волнуйся, поговорят-поговорят и забудут. У людей короткая память. Если понизишь цены на хлеб, водку и публичные дома, завтра никто и не вспомнит про эту кошку, — Сатир знал,

что говорить.

Он оказался прав, так оно и получилось. И только двое не верили в естественную смерть князя: его жена Мария и маленький Пуш, котенок котозавра Мурзия. Похороны были торжественные и пышные. Жена Михаила была безутешна. Она выгнала Дениса взащей, когда тот сдуру, не дожидаясь окончания сорокаднева, пришел к ней свататься. Получив отказ, старший брат ухмыльнулся:

— Ты пожалеешь об этом. И пока ты мне не скажешь «да», никуда отсюда не выйдешь! Денис поставил возле ее дверей стражу.

Однако смерть мужа Мария не смогла пережить. Через неделю она занедужила, а еще через неделю умерла. Говорили разное: одни утверждали, что она отравилась, чтобы не выходить за ненавистного ее сердцу. Другие сплетничали, что она убита по приказу Дениса. Ее сына Мировлада определили в пажеский корпус с большим пансионом. Присматривать за ним Денис назначил своего личного слугу Митрия.

Шестая глава

Вьюжило. Дом Пензинского городского головы занесло снегом почти со всех сторон. Единственно, дворники очистили небольшое

пространство перед крыльцом. Только что Михей и его жена Степанида проводили домой свою дочь — Татьяну. Жена ворчала.

— Зря ты ее на такую вьюгу отпустил. Завтра с утра бы и поехала.

— Она сама... — пытался было оправдаться Михей, но жена сварливо передразнила:

— Она сама, она сама, а у тебя, что, своей головы на плечах нет, только городская?!

— У нее охраны два десятка солдат: пропасть не дадут, — успокаивал муж.

— У Бони Партова полмиллионная армия была, а померзла вся в снегах Мокшании.

В ответ Михей только развел руками. Дело было в том, что Татьяна хотела выехать сегодня поутру, но поднялась такая метель, что только держись. Немного успокоилась погода лишь ближе к вечеру. Татьяна и решила проскочить в это «погодное окно». «Что за спешка?» — не понимала Степанида. «Сеня заболел, фельдъегерь письмо привез от Константина», — объяснила дочь. Она не решилась брать по зиме маленького мальчика с собой, оставив его с няньками. И вот без нее Сеня простудился — фельдъегерь принес нерадостную новость. Поэтому и спешила.

Степанида и себя бранила почему зря: муж мужем, а куда она смотрела?!

Только Татьяна отъехала, как поднялся

страшный буран. Еще и волки завывали. В зимы они всегда подходили ближе к городу, а самые нахальные иногда забредали и в городскую черту.

Новый привратник, совсем еще молодой человек с абсолютно голым черепом (детская болезнь навсегда лишила его волос), по имени Евгений, взятый вместо умершего осенью Никифора, подбрасывал дров в камин. На сердце было тепло и уютно от того, что он успел до вьюги перевезти свою беременную жену в новый дом. Теперь у них все будет хорошо и замечательно. Живи и радуйся.

На дворе буралил февраль. За окнами продолжали выть волки, и не поодиночке, а как-то хором, словно состязались в волчьем своем хоровом пении. Привратнику стало душно от нагретого камином воздуха, он подошел к окну и распахнул форточку. Ветер ворвался в дом вместе со снежным крошевом.

— Евгений, закрой окно! — попросила Степанида, решив, что сильный сквозняк сам распахнул створку.

— Сейчас, госпожа! — Евгений вдохнул всеми легкими морозный воздух, и только поднял руку, чтобы захлопнуть створку, как вдруг прямо перед его носом на подоконник шлепнулся небольшой темный комочек — прямо с улицы. Сначала он думал, что это замерзшая птичка, но

комочек стал шевелиться. Евгений нагнулся, чтобы лучше рассмотреть — и тут же ему в лицо ударил сноп искр! Привратник едва не свалился с ног. Протерев глаза, увидел перед собой жабу, которая пристально смотрела на него человеческими (не жабьими!) глазами. А в голове возникали ее слова — да-да, слова: «Я царица-лягушка! Помоги мне, отогрей меня!»

Закрыв форточку, привратник вынул из кармана носовой платок, аккуратно и немного брезгливо подхватил «гостью» в ладони, отер от налипших на ее кожу снежинок и оставил у горячего камина отогреваться. Рядом отдыхали хозяева. Михей читал какую-то толстенную книгу, Степанида вязала.

— Что это? — спросил Михей, рассматривая находку.

— Замерзшая лягушка, отогреть хочу, жалко, — объяснил привратник.

— Погубит тебя твоя жалость, Евгений, — проворчала Степанида. — Ты всех жалеешь, без разбору. Завтра кобру принесешь, и ту пожалеешь.

— Так Божьи создания, госпожа, их жалеть нужно.

— В прошлый раз тебя пожалели... — хмыкнула хозяйка. В принципе, она была довольна своим слугой, но вот то, что он был слишком жалостливый — это ее почему-то раздражало. Нет,

она сама могла пожалеть кого угодно, но у Евгения эта жалость приобретала какие-то искривленные формы. За полгода, проведенные в ее доме, она убедилась в этом воочию. Сперва он пожалел в трактире пьяного, не уплатившего за выпивку, а тот мало того, что дал в благодарность зуботычину, так еще и обчистил его карманы — вором оказался. Потом Евгений влез в драку, защищая какого-то пришлого крестьянина. На поверку оказалось, что крестьянину наваляли поделом — он подсыпал отраву в колодезь соседу... При своей большой доброте Евгений имел недостаток, который увы, всю его доброту сводил на нет: он совершенно не разбирался в людях. Притом жизнь его ничему не учила. Он не делал из своих поступков никаких выводов.

«Никогда не думала, что доброта может быть недостатком», — вздыхала Степанида, ловя себя на мысли — приняв к себе привратником такого человека она сама уподобляется ему, но работник он был добросовестный. Жаль выгонять. Тем более, жена на сносях.

— Волки совсем обезумели, подходят к дому, — протер небольшую оттаину в замерзшем окне Михай.

— От голода и не то сделаешь, — отвечала Степанида. — Бабушка рассказывала, когда голод был, люди сами на волков набрасывались и ели их.

Волчьи времена были.

Жаба, отогревшись и выждав немного времени, вдруг закрутилась волчком. И этот волчок с каждой секундой стал увеличиваться в размерах! Через полминуты посреди комнаты стояла... Лола, приемная дочь Пензинского городского головы.

Некоторое время она постояла на месте, как бы с удивлением рассматривая себя в большом зеркале. Видно, давненько не принимала человеческий облик. Увидела себя в зеркале напротив — и остановилась, чтобы полюбоваться своим отражением. Отражением триумфа.

— Не ждали?

— Лола, ты... — растерялась приемная мать.

— Здравствуй, Лола, — отец отложил книгу. — Почему ты не предупредила, что приедешь, мы бы встретили.

— По-моему, вы были уверены, что я больше не приеду, и благодарили за это своего Боженьку. А зря, я вернулась... И я вернулась хозяйкой! Слышите, хозяйкой!

— Там, где ты была, похоже, тебя не научили хорошим манерам, — спокойно отреагировала Степанида.

— Меня учили другому! Меня учили магии, черной, белой, серой, разноцветной, и теперь я — хозяйка этого дома. Где Татьяна?

— Она уехала перед самым бураном, —

объяснила Степанида.

— А зачем же я тогда буран забуранила?! — растерялась Лола. Вьюгу наколдовала именно она, и, как оказалось, напрасно. Но растерянность ее была недолгой. — Я все равно ее найду! Эй, старики, чего расселись, видите, сама Лола пришла!

— Как ты разговариваешь со своими родителями! — вскочил с места отец. Лола метнула в него магический заряд, и Михей застыл гипсовым изваянием. Даже не успел испугаться.

— Вы мне никто, у меня есть и мать, и отец, и я знаю, кто они!

— Родитель не тот, кто родил, а тот, кто воспи... — Степанида не успела договорить, осеклась на полуслове, потому как Лола и в нее метнула магическую стрелу. Женщина так и осталась сидеть с вязаньем в руках, тоже став гипсовой статуей.

Евгений ошарашенно наблюдал, что происходит, и не мог поверить своим глазам.

— Чего смотришь, как истукан? Ты теперь будешь служить мне, доверчивый и жалостливый идиот!

— Хорошо, — Евгений не нашел в себе силы сказать колдунье «нет». Но решил, что не будет ей служить, выждет момент и убежит вместе с женой.

— Тогда распорядись, чтобы из моей комнаты убрали мусор!

— Какой мусор? — не понял тот.

— Вот этот! — кивнула она на заколдованных и превращенных в статуи родителей. Тот послушно кинулся исполнять приказ новой хозяйки.

— А куда, госпожа?

— В чулан, дуралей, в чулан! Кто знает, может, мне эти статуи еще пригодятся! — хмыкнула Лола.

Ночью, когда все заснули, Евгений и его беременная жена Лиза спешно одевались, готовя побег. И когда они уже были за дверями, услышали окрик Лолы:

— Куда собрались, голубчики?

— Лизе стало душно, мы хотели прогуляться, — залепетал Евгений, прекрасно понимая нелепость отговорки: у них в руках было по узлу с вещами.

— И вещички заодно прихватили? — рассвирепела Лола. — Так просто ты не отделаешься, Черепушка!

— Кто? Я — Евгений, — пробормотал привратник.

— Отныне ты — Черепушка, я так хочу тебя звать. Для меня ты — Черепушка. Что бы такое с вами сделать?

— Не губите! Убейте меня, но пощадите мою жену, она беременна! — упал на колени привратник.

— О! Придумала! Беременна, говоришь? — настроение Лолы в один момент сменилось со свирепого на хитро-насмешливый. Евгений понял, что сейчас должно произойти нечто непоправимое, он попытался кинуться на Лолу, но та щелчком пальцев остановила его на лету. Тот висел в воздухе, нелепо дрыгал ногами, силился что-то произнести, но не мог.

— Госпожа, не губите моего мужа, мы будем вам верно служить! Мы все исполним! Только не губите! — кинулась к ее ногам Лиза.

— Губить вас не входит в мои планы. Значит, так! — сноп искр вылетел и ударил жену привратника в беременный живот: — Вот мое заклятие! Ты, Черепушка, будешь вечным моим слугой, а твоя жена не сможет никогда уйти из этого дома, она будет его пленницей! Ослушаешься меня — она умрет! Твоя жена родит тебе в срок не младенца, не игрушку, а неведому зверушку, которая до конца своих дней будет служить мне и только мне!

В положенный срок Лиза родила Евгению дочь. Сначала родители вздохнули было облегченно, посчитав, что проклятие ведьмы не сбылось. Но они рано обрадовались. Ровно через год стали замечать, что в полнолуние девочка начинает покрываться чешуей и... превращается в маленького дракона.

Седьмая глава

С тех пор, как в семьях кесаря и его первого сенатора появились дети, прошло три года, три месяца и три дня. Однажды первый сенатор поехал на охоту. Любил он это занятие, хлебом его не корми, дай только поохотиться. При этом настолько был крут, что его охота напоминала кровожадное браконьерство. Он охотился, невзирая на запретные дни, причём самыми запретными методами. Даже на тех животных, отстрел которых был разрешен, он охотился с каким-то невероятным, сладострастным остервенением и жестокостью. Продолжал охоту и тогда, когда ягдташ был переполнен добычей. Просто ради азарта. Собаки рвали бедное животное, а он хохотал. Он даже не забирал с собой добычу. И никто слова поперек не мог сказать. Он же первый сенатор, выше него — только кесарь.

Так случилось и на этот раз: охотиться он пожелал во время любовных игр животных, что категорически запрещалось. Взял с собой только своего постоянного проводника — егеря Вольдемара. Вольдемар знал здешние трющобы, как свою ладонь. Оба находили в охоте большое удовольствие и оба не считались ни с какими законами леса.

— А что, Вольдемар, кабанчики здесь водятся? Марта просит кабанятинки, как не угодить.

— Кабанчики водятся, но сейчас охота на них запрещена: у них гон, любовные утехи, они опасны, не советую, — отвечал егерь.

— Так ведь у нас арбалеты, и болты с наконечниками, каких мало, железо пробьют, — усмехнулся Федосей. — Я ведь тебе за это дело доплачу.

— Водятся у нас кабанчики в Темниковской пуще, — согласился жадный до денег Вольдемар.

— А почему Темниковская? Там темень непроглядная?!

— Да нет, темень — как везде. Места там нехорошие, опасные. Болота. Лет триста назад шел этими местами один тартарский темник по имени Атемар, хотел город Сар пожечь. Ему, дураку, надо было обходной дорогой идти, а он решил срезать. Город-то вольный, богатый, он и сейчас на особых правах, только кесарю дань платит, а уж тогда — и говорить нечего. Вот этот Атемар и сгинул в тех болотах вместе со своей тартарской тьмой. Говорят, их нечистая сила в болоте утопила, а чтобы не смогли выплыть, камни тяжелые — к ногам привязали... И вот каждую ночь вся тьма Атемара, а пуще всего он сам, стонут, просят камни отвязать, а так как руки-то у них свободные, то они этими

руками утягивают в болота путников и странников.

— Глупости говоришь, если у них руки свободные, отвяжи каменюки и выплывай, — рассмеялся Федосей.

— За что купил, за то и продаю. Так люди рассказывают, — обиделся Вольдемар.

— Небось, сами охотятся: чтобы чужаки не позарились на их добро, сказки и придумывают.

— Ну да — сказки! Есть там места такие, сам видел, — перекрестился Вольдемар. — Поляна, круглая такая, и в круге почти ничего не растет. За кругом зелень. Человек зайдет, и раз! — нету человека, сгинет. А не сгинет, через день-два помрет в муках. Это ж Сар — город чудес. По легендам, раз в сто лет прилетает в эти края прямиком из райских куш Жар-Птица, волшебная птица счастья, чтобы вывести потомство. Говорят, что она гнезда устраивает на таких полянах, и трава жухнет от ее жара. И ни единая душа не может приблизиться, не то что к ее гнезду, а даже к окрестностям. Поговаривают, сам Карачурт от этих полян бежит. Если уж Карачурт бежит, что уж про простых смертных говорить. Может, шут с ней, с этой Темниковской пущей?!

— Не дрейфь, Вольдемар, все это побасенки.

Охотники и сами не заметили, как зашли глубоко в лес. Неожиданно рядом хрустнула ветка, раздалось хрюканье. Охотники оглянулись и

обомлели: в кустах стоял небольшой кабанчик, черный, как сосновая смола.

— Вот, видишь, Вольдемар, и в Темниковскую пущу ходить не надо! — воскликнул Федосей. Реакция первого сенатора была мгновенной: он вскинул арбалет и не целясь выстрелил. Ранил зверя в ногу, а не в голову, как хотел. Считай — промазал. Тут же перезарядил оружие, на этот раз прицелился. Попал в бок. Кабанчик истошно завизжал и, на бегу истекая кровью, понесся напропалую через бурелом.

— За мной! — крикнул Федосей и помчался ураганом вслед. В мозгу стучало: догнать и обязательно добить. Егеря за сенатором не поспевал и через некоторое время потерял его из вида. Бежал, ориентируясь только по следам кабанчиковой крови.

Долго эта погоня продолжалась, но нагнал-таки первый сенатор раненого зверя. Смотрит: лежит кабанчик на дне глубокого оврага и стонет почти как человек. Вроде бы околевает. В боку и в ноге болты арбалетные торчат.

«Как же я эту тушу из оврага вытащу?!» — засомневался Федосей. Но охотничий азарт — зря, что ли, поллеса за ним отмахал — взял верх. Вынул из-за голенища сапога нож-медвежатник («Надо добить, чтоб не мучился»). Осторожно спустился к зверю: может, еще силы у того остались, как рванет

сейчас... Нет, кабанчик лишь стонал и дрожал всем телом. Однако только охотник занес нож, чтобы добить умирающего вепря, избавить от излишних мучений — кабанчик, перестав стонать, повернул к нему свою морду и сказал... спокойным человеческим голосом:

— Зря ты это делаешь, первый сенатор Федосей.

Первый сенатор опешил, рука с занесенным ножом сама по себе опустилась.

— Я ведь не просто вепрь, я волшебный вепрь. Хочешь, исполню твое самое заветное желание? Я ведь знаю, что ты завидуешь кесарю и сам хочешь им стать. Чтоб потом и наследнику кесарство передать. Ведь ты хочешь быть кесарем? Разве я не прав?!

В первый момент Федосей, конечно, удивился, но быстро взял себя в руки и стал рассуждать. Если кабанчик говорит на человеческом языке — значит, и вправду непростая свинья. У первого сенатора загорелись глаза.

— И чем же ты мне поможешь?

Кабанчик хитро прищурился, и вмиг (Федосей даже не успел ничего сообразить) обернулся карликом в туманном плаще. Ибо не кабанчик это был, а слуга ведьмы Лилианы, Падальщик-Сатир. Он откинул прочь упавшие с него арбалетные болты. Тут время настало и Федосею испугаться.

Но Падальщик, почуявший гниение злой души, успокоил его:

— Не бойся меня. Ты будешь кесарем, и сын твой будет кесарем. Если мы с тобой заключим договор. Или договор. Это как тебе понравится. Я тебе кесарскую власть, а ты мне кое-какую мелочь.

— Какую мелочь, а вдруг ее у меня нет? — задрожали коленки у первого сенатора. Его прошиб холодный пот, он судорожно озирался — где же Вольдемар, когда же он подойдет?! Станным образом этот кабанчик-человечек захватил над ним власть. А вокруг безжалостной плотной стеной стоял дремучий лес.

— На нет и суда нет. Но поверь моему слову: вернешься из леса, и трех дней в первых сенаторах не продержишься, — Падальщик уже грозил. На самом-то деле он блефовал, он просто знал, как на властолюбивых людей действует угроза лишения хоть частички их власти. И в этот раз его расчет оказался верным.

— Я должен буду тебе должность?

— Нет, — поморщился Сатир, будто проглотил лимон: ох уж эти человеческие пороки, он и без их должности на должности. — Всего-навсего свою бессмертную душу. И еще каждый год приносить мне в жертву баюна.

— И все?

В ответ Сатир только хитро прищурился, мол,

мне многого не надо.

— Хорошо, — выдавил Федосей едва-едва.

Тут же Падальщик сорвал ближайший лопух, щелкнул пальцами, и зеленый лопух стал белым листом гербовой бумаги, на котором тут же стали сами собой появляться каллиграфически правильные буквы. «Мой почерк!» — ужаснулся первый сенатор. Буквы стали складываться в слова и фразы. Через минуту текст договора был готов.

— У меня нет пера... — у Федосея пересохло в горле, что-то внутри шептало ему: не делай этого, не подписывай!

— Не беда, — Падальщик сорвал репей, привычно прищелкнул пальцами, и репей тотчас превратился в паркерное перо.

— Но чернильница? — опять засмутился первый сенатор.

— Твой палец — твоя чернильница.

Нечистый почти насильно (впрочем, у Федосея и мысли не было как-либо сопротивляться, на него нашел какой-то ступор) уколол пером его правый указательный палец.

— Подписывай!

— Да я верю тебе на слово.

— Я не верю! Подписывай! — бывший кабанчик уже диктовал свои условия. Охотник и дичь поменялись местами.

Сенатор охнул... И подмахнул бумагу, как он

всегда делал у себя в канцелярии, стараясь не смотреть на подписываемый документ.

— Вот и хорошенько, — весело произнес Сатир, пряча подписанные бумаги во внутренние карманы плаща. — Теперь слушай меня внимательно и запоминай. Кесарем ты станешь через шесть дней и шесть часов. Первым делом под любым предлогом смени военного сенатора и начальника кесарской гвардии. Главному казначею — не бойся его, не сдаст — посули пост первого сенатора, он жадный, согласится. Начальника полиции посади в кутузку, обвини в казнокрадстве. Кесарь сейчас на отдыхе, тебе он доверяет как самому себе. Запри его в загородном дворце.

— А народ? Что я скажу народу?

— Ей-карачурту, ты прямо, как мальчик. Ну и что народ? Народу объяви, что прежний кесарь — вор и самодур. Народ глупый, поверит. А кто не поверит — будет безмолвствовать. Снизь чуток цены на вино, убавь налогообложение — временно — да посади пару чиновников. Они все казнокрады, посади любого — не промахнешься. И все дела.

— Ты меня не обманешь?

— Я держу свое слово, человек! — усмехнулся Сатир. Мигом обернулся полухорьком-полукрысой, юркнул под ветку сваленного грозой дерева и исчез.

И в эту самую минуту на краю оврага

появился Вольдемар, запыхавшийся от долгого бега. У него была рассечена щека. Видимо, неудачно упал, пробираясь через чащобу.

— Господин первый сенатор, вот вы где. Вы нагнали кабанчика? — прокричал егерь.

«Он нагнал меня», — усмехнулся про себя Федосей. А вслух прохрипел:

— Нет, он ушел в чащу.

Все случилось так, как и предсказал Сатир. Через указанный срок произошел в Мокшанийском кесаревстве государственный переворот. Новый кесарь Федосей пришел к власти без единого выстрела. Он тут же понизил цены на вино в три раза, посадил пару чиновников за казнокрадство — а что еще народу надо? Однако свергнутому кесарю Константину вместе с семьей удалось бежать. Эйлина чуть ли не силком заставила их собраться, дала карету, запряженную тройкой быстрых рысаков. Когда новый начальник полиции приехал арестовывать бывшего кесаря, того и след простыл...

Обнаружив побег, Федосей впал в дикую ярость, рвал и крушил все подряд. Разослал во все края шпионов, чтобы найти беглецов. Но погоня, проплутав по свету год-другой, возвратилась с пустыми руками. Беглецы как в воду канули...

Первый эдикт нового кесаря гласил: «Все баюны (они же — котозавры) — есть связники с

нечистой силой. Посему приказываю: везде и повсюду ловить их и доставлять на кесарскую котобойню за соответствующее вознаграждение. Укрывательство баюнов будет караться каторжными работами до десяти лет...»

День второй

Восьмая глава

С тех пор минуло три раза по три года, а потом еще три раза по три года. Много чего за это время произошло, много воды утекло.

Изгнанник-кесарь Мокшании Константин со всей семьей после побега, с молчаливого согласия инязора, то бишь кесаря, Николая, поселился в тихом лесном уголке Мородинии под чудным названием Смоляная Засака. Скромно, на особицу, чтобы не привлекать внимания. Новый мокшанийский кесарь Федосей поклялся найти беглецов где бы то ни было, поэтому пришлось сохранять инкогнито. Повезло: Константин стал главным лесничим Мородинии. Мородинский инязор Николай Добрый, конечно, рисковал, потому как узнай обо всем этом Федосей-Бедосей, не миновать бы беды: мол, скрыл государственного преступника соседней страны. Международный

скандал. Но Адонай хранил изгнанников...

Бывший кесарь любил лес, ухаживал за ним и пользовался у местных жителей большим авторитетом. Браконьеры боялись его, как огня. Татьяна занималась репетиторством с детьми местных аристократов и купцов. Так и жили втроем: он, жена да сын. Денег едва хватало. Однако Константин не экономил средств, чтобы дать Семену хорошее образование. О том, что он кесаревич, Семен и не подозревал: родители это скрывали, боясь, как бы мальчишка не разболтал кому не надо.

Семен рос болезненным мальчиком. Опять-таки лечение влетало в копеечку, и не в малую. То хроническая ангина (упрямый подросток глотал мороженое и прохладительные лимонады пудами и ведрами), то петушиный грипп (неслух и в самую лютую стужу не желал носить шарфики и рукавички), то краснуха-желтуха и прочие ОРЗ. А в двенадцать лет он поспорил с товарищем, что лазает и прыгает по деревьям как африканская обезьяна (на свою беду учитель естествознания рассказал детям на уроке о происхождении человека от обезьяны). Спор для Семена закончился достаточно плачевно: он сорвался с ветки и, рухнув вниз, сломал ногу. Вместо стога он вполне серьезно, преодолевая боль, произнес: «Нет, учитель не прав, люди не от обезьяны произошли!»

Еще легко отделался, говорили доктора — высота-то была немаленькая, можно было и спину, и шею сломать. Долго лежал с гипсовой повязкой: нога упрямо срасталась неправильно. Лекари бессильно разводили руками. Так и остался сын лесничего на всю жизнь хром на левую ногу. Впрочем, это не мешало ему гонять мяч вместе с местной детворой.

Когда болел, он любил слушать легенды матери. Особенно ему нравилась легенда о Жар-Птице, которую мородины называли на свой лад — Сияжар.

— После того, как люди ушли из рая, ушли вместе с ними и почти все звери. Немногие остались. Среди этих немногих была Жар-Птица. В райские времена она катала на себе Адама и Хеву. И даже когда они убежали из рая, она с Божьего благословения прилетала на землю и кормила из клюва их деток: Авелая и Кахинора. Ее перо приносит человеку удачу во всех делах. А умывшись ее слезой, человек сохранит вечную молодость. Однажды Карачурт попытался выкрасть ее из райского сада, но Жар-Птица так клюнула его в макушку, что князь тьмы сразу окривел на один глаз. Раз в сто лет Жар-Птица сносит яйцо, из которого вылупляется Жар-Птенчик. И ровно раз в сто лет Жар-Птица спускается на нашу грешную землю, чтобы покормить птенчика тирлич-травой и

трын-травой и показать ему мир. Потому что еще от Адоная им заповедан закон-обычай: Жар-Птица появляется и говорит миру, что приходил Спаситель, и обязательно придет еще раз. Но однажды Жар-Птица спустится на землю в последний раз. И тогда через сто лет найдется самозванка и скажет: я — Жар-Птица. И все поверят, потому что хоть у самозванки и черная душа, но и хитрость будет великая. Тогда и наступит на земле конец света, потому что люди окончательно поклонятся карачурту.

Маленький Сеня наивно спрашивал:

— Ну, если она такая черная и хитрая, неужели люди такие глупые будут?

— Не знаю, сын, люди выбирают не то, что лучше, а то, что удобнее.

Никак не мог понять этого маленький Семен: ведь если удобнее — то и значит лучше? А если неудобнее — то хуже? Спорил с мамой, но та уходила от спора, отговаривалась:

— Это не я так сказала, это в Великой Книге сказано.

Когда на небе вспыхивали ночные зарницы, мама говорила:

— Это в Раю Жар-Птица пляшет и нам, людям земли, крыльями машет. Если Жар-Птица перестанет плясать, то значит, горе горькое на земле скоро наступит.

Так, слушая мамины сказки и были, Семен и вырос, превратившись в симпатичного малого двадцати одного года от роду. Однажды вечером, когда все семейство готовилось к ужину, в дом требовательно постучались. Государственный фельдъегерь Морозинского инязора проезжал мимо и нуждался во временном приюте. Имелась и соответствующая бумага. Фельдъегеря частенько останавливались у Константина.

— Что случилось? — поинтересовался лесничий.

— Государственное дело. Инязор выдает замуж свою дочь Валдоню и шлет послов во все кесаревства и княжества в поисках жениха. Я один из таких послов, возвращаюсь из Мокоши. Сам кесарь Мокшании Федосей изъявил желание породниться с нашим инязором и женить своего единственного сына Лютослава.

Фельдъегерь был уже немолод, лет под пятьдесят, но выглядел крепким и здоровым.

— А что, своих женихов не нашлось? — встала слово Татьяна.

— Валдоня на своих женихов и смотреть не желает. Подавайте мне, говорит, тридевятьземельца или, на худой край, мокшича, культурного и образованного. Надо, говорит, все делать демократично, чтобы было из кого выбирать. Мало того, она еще всех кандидатов хочет испытывать на

рыцарском турнире.

— Молодежь совсем сдурела, — констатировал Константин.

— А что ты хочешь, — не удивилась Татьяна. — Девочка росла без матери, сирота. Вот отец ее и избаловал. Небось, дает богатое приданое?

— Неплохое. Николай — человек небедный, а дочка одна — денег не пожалел...

— Только деньги? — удивилась Татьяна, прекрасно зная, что инязор не тот человек, который мерит все на деньги.

— А также титул почетного гражданина городов Мурзаевка и Сарлей, — продолжал фельдъегерь, — кроме того, в придачу полдворца: семь комнат, естественно, не считая кухни, коридора и санузла. Все комнаты изолированные, санузел отдельный, погреб, конюшня, всего около тысячи квадратиков. И еще садово-огородный участок, целых сорок соток. И все это богатство с обязательным условием: что будущий супруг будет принцем белых костей и светло-синих кровей.

— Что ж, неплохо, — сдипломатничали хозяева.

— А портрет её у вас есть? — поинтересовался Семен.

— А как же! Даже не один портрет. Живописный и два дагерротипа, тоже цветные.

Посол вынул из своей планшетки три изображения инязоравы (так в Мородинии зовутся принцессы). Портрет официальный: она подле отца, в строгом платье с максимумом бриллиантов. Дагерротипы же достаточно фривольные: Валдоня на пляже в купальнике и в вечернем платье с невообразимым декольте на каком-то дипломатическом приеме. Двумя словами: красота неопишная!

Увидев Валдоню, Семен обомлел: так понравилась! Невесты у него не было. Местные девушки навевали на него скуку У них одна забота — побыстрее бы выскочить замуж за красавца-аристократа. И нудные разговоры, кто как одет, у кого сколько денег да кто с кем завел интрижку. Родители Семена как раз занимались тем, что подыскивали сыну подходящую невесту. Мать была категорически против всяких принцесс и сенаторских дочек: «Все они высокомерки, лентяйки, неряхи, редкостные дуры и неумехи. Без служанки нитку в иголку вставить не могут». Муж в ответ весело намекал на ее собственное благородное происхождение. Жена только усмехалась: «Я — не они, я воспитывалась без нянь и кормилиц, и с детства приучена делать все сама!»

Утром, после того как фельдъегерь уехал, засобирались и сын:

— Мама, отец, я пойду попытаю счастья,

может, оно мне улыбнется!

— Какое счастье?! — обомлели родители.

— Валдоня. Я люблю ее! — заявил Семен.

— Семка, ты с луны скатился? — только и вымолвил отец. Ну никак не ожидал он такого поворота событий. — Как можно любить портрет вместо живого человека?

— Она такая красавица! Она не может быть дурой!

— Еще как может! — вступила в разговор мать.

— Нет, не может! — упорствовал сын. Для него все было ясно, как Адонаев день: Валдоня — прекрасное милое существо. Неясно было только одно: почему таких очевиднейших вещей не замечают родители? Понятно, что они любят его, хотели бы другой жены, выгодной им самим, но не ему, Семену.

— Не пара она тебе! Она инязорава, принцесса, а ты сын лесника! — Мать призывала сына к благоразумию, но тот ничего и слышать не желал:

— Я тоже аристократ!

— Обедневший! Не будет Николай родниться с нами!

— Если я выиграю турнир, никуда не денется! В конце концов, Валдоня будет моей женой, а не он.

— Насколько я слышала, она капризулька. Привыкла, что все окружающие молятся на нее, как на икону, и выполняют все ее причуды с полуслова. Гламурница, одно слово. И думать не смей! К тому же... — осеклась мать, боясь произнести последний и решающий довод. Но сын отчеканил его сам:

— Ты о том, что я хром, да? Не надо упрекать меня моими недостатками!

— Никто и не упрекает, но молодые женщины часто выбирают мужчин по внешности и красоте. Большинство, по крайней мере, — поправилась мать.

— Значит, если бы отец заболел, ты бы его бросила?! — глупо закричал Семен.

— Не говори чепухи, я говорю о гламурницах.

— С чего ты взяла, что она гламурница? Человека определяют по душе!

— Кабы всяк так считал... — тихо произнес Константин, он понял, что сына не переубедить.

— Я поеду! В конце концов! — заорал сын и что есть силы грохнул дверью, так, что штукатурка посыпалась.

И тогда Татьяна предъявила последний довод:

— Да пойми же: она заколдованная, у нее ледяное сердце.

— То есть как? — растерялся Семен.

— Вообще-то это государственная тайна, — хмыкнул отец. — Но если хочешь — послушай...

— Примерно в то же самое время, когда ты появился на свет, решил жениться тогда еще молодой инязор Мородинии Николай. Несмотря на молодость и недолгое время правления, он заслужил у подданных почет и уважение. Звали они его Николай Добрый, потому как сразу по восшествии на престол он отменил казни и пытки, вместо массы налогов ввел один общий, старался к подданным относиться без излишней строгости. Благодарные граждане платили ему ответной любовью. Лишь в одном случае Николай был непререкаемо суров: по отношению ко всякого рода прохиндеям-чародеям. Когда-то в Мородинию приехала по своим делам одна ведьма по прозвищу Черная Гадалка. Так-то она жила в Пензи, но что-то ей понадобилось в Сарлее. Она предсказала родителям Николая быструю одновременную смерть. Так и произошло: мальчику было двенадцать лет, разразилась большая гроза, молния ударила в опочивальню мородинского владыки, оба супруга упали замертво... Как только сын достиг совершеннолетия, он сразу издал указ о запрете деятельности гадалок, ясновидцев и прочих гороскопщиков. Но в один прекрасный вечер, за три дня до свадьбы Николая, когда он разбирал в своем кабинете государственные бумаги, в дверь постучались. Инязор очень удивился этому стуку:

прежде чем войти, посетитель должен был наткнуться на секретаря и охрану, а секретарь в любом случае должен был доложить о визитере. Тем не менее дверь со скрипом открылась и в комнату вошла старуха, одетая во все черное.

— Николай? — вопросительно вместо «здравствуйте» пробормотала она. Голос, однако, у нее был отнюдь не старый.

Инязор немного растерялся, потому как наглая старуха бесцеремонно сунула ему под нос свою суковатую палку-посох и почти что зарычала:

— Отмени свой указ о гадалках!

Николай, человек не трусливого десятка, пришел в себя и стал закипать от такого бесцеремонства:

— Кто вас пустил? Стража! Я не отменю свой закон!

— Ты об этом очень сильно пожалеешь, — прошипела старуха и тут же растворилась в воздухе. Стража прибежала на зов своего господина. А он, было готовый дать им нагоняй за ротозейство, лишь удивленно взирал на то место, где только что стояла незваная гостья. Он даже помотал головой — не померещилось ли ему.

В жены Николай брал красавицу Нину, дочь известного мородинского аристократа. Нина была не только красива, но еще умна и добра, как и ее нареченный. Однако за день до свадьбы с Ниной

произошла неприятная история: она вышла в сад подышать свежим воздухом, и тут откуда ни возьмись появилась старуха — взлохмаченная, вся в черном наряде, словно у нее похороны в этот день. Хватъ Нину за руку и шипит: «Не выходи замуж, девка, за Николая Доброго». «Это почему?» — спросила удивленная Нина. «Если выйдешь — через год умрешь». Накаркала старая ведьма и тут же скрылась. Ошеломленная Нина стояла, не зная, что делать. Николай к ней примчался, чтобы рассказать про свое привидение, а она ему в ответ свою историю поведала. Загрустили оба. Однако, несмотря на такие нехорошие предвестия, на следующий день они все равно обвенчались.

Николай приказал усилить охрану по всему дворцу. Приставил к жене лучших докторов. Разве только пылинки с нее не сдувал. Однако через год неминуемое случилось: Нина умерла при родах. Николай загрустил, запечалился. Но против судьбы не попрешь... В родившейся дочке, которую нарек Валдоней за ее светлые волосы, он души не чаял. Однако и здесь не обошлось без таинственных событий. Накануне дня, когда нести девочку крестить, сморил всех домочадцев неодолимый сон. Не спал только Николай: словно заговоренный, мучился бессонницей. И вот слышит: к кровати приближаются топающие шаги — топ-топ-топ, как будто маленький ребенок быстро ножками

перебирает. Он сначала решил — почудилось. Тут опять — топ-топ-топ, уже от кровати. Он быстро встал, подошел к колыбельке, Нянюшка спала, дочка тоже мирно посапывала. Он хотел отойти, но вдруг из глубины комнаты появилась фигура той самой гадалки. Инязор так и замер.

— Николай, — прошептала «черная гадалка», — ты зря не отменил свой указ. У твоей дочери будет ледяное сердце.

Сказала и сгнула.

Дочка росла. И с самого детства все стали примечать, что она очень холодна и серьезна. Никогда не смеется — только едва уголки губ наморщит. А капризна-то, капризна! Но отец не обращал на непривлекательные черты характера дочки никакого внимания, он в ней души не чаял.

Выросла она злой и своенравной. Кто станет ее мужем, погубит и себя, и свою душу, потому что проклята она.

— Я ее расколдую! — заявил Семён.

Родители не и не предполагали, что рассказ произведет на сына впечатление, обратное ожидаемому. Так и застыли... Отец первым махнул рукой и, мягко обняв за плечи жену, произнес:

— Таня, это его выбор, пусть едет.

— Ладно, — смирилась и мать, — пусть едет.

Но почему дети не понимают очевиднейших

вещей?

— Они — наивные максималисты, на все смотрят розовыми глазами. Только понабив шишек, меняют эти глаза на черные.

— Хоть бы с нашим сыном этого не произошло...

Родители помогли сыну собрать в дорогу вещи, скрепя сердце благословили. Семен, оседлав свою гнедую лошадь с красным пятнышком во лбу (отсюда кличка — Звездочка), отправился в путь. Турнир должен был проходить не в Сарлее — столице Мородинии, а в летней резиденции инязоров, небольшом сельце Вельма, что в переводе с мородинского на мокшанийский переводилось как Воскресенье. Оно располагалось от столицы верстах в сорока. От дома лесничего — двести верст с гаком. Да не простых верст, а коломенских. Но расстояние Семена не пугало. Он держал путь напрямиком в Вельму.

Отец со вздохом пробормотал вслед:

— Обидно, когда дети повторяют ошибки родителей. И поди докажи, что он не прав!

— Человек учится только на своих ошибках. Пусть учится. Не думаю, что его затея получится. Валдоня вряд ли будет в восторге от нашего сына. Он романтик, чудаков, весь в тебя, — грустно улыбнулась мать. — Ей нужен богатый повеса, болтун и хохотун. Для нее наш сын слишком

воспитан.

— Я боюсь, что, обжегшись раз, он обозлится на весь мир, — грустно отвечал отец.

— Он умный мальчик. Будем надеяться, что Адонай не покинет его.

— Будем надеяться!.. А у фельдъегеря этого очень уж лицо знакомое. Где я его видел? — стал копаться в памяти Константин.

— Мне кажется, он у нас раньше не останавливался, — ответила жена. — У меня на лица крепкая память.

— Кажется, я его видел, когда еще был кесарем. Да, точно, он мне приносил дипломатическую почту от Николая Доброго.

— А он тебя вспомнит?

— Не знаю, признал ли он меня. Я ж теперь в бороде.

Девятая глава

Мокшанийский кесарь Федосей и его кесарица Марта готовились ко сну, когда в опочивальню робко постучался секретарь и доложил, что министр полиции просит принять по очень срочному делу.

— Что случилось?

— Что-то с Лютом? — забеспокоилась Марта.

Их сын Лютослав в последнее время давал

большие поводы для беспокойства: то на охоте ради баловства прострелит ухо своему егерю, и теперь раненому пенсию выплачивай пожизненную — егерь почти ничего не слышит, травма при исполнении служебных обязанностей. То дочку министра здоровья обрюхатит, опять расходы. Нет, можно, конечно, ребенка не признать, но у министра прихват в Тридевятземелии, такой тарарам поднимет. То ещё что-нибудь... Короче, не сын, а одни расходы.

Вошел, запинаясь, министр полиции:

— Добрый вечер, ваше кесарство!

— Ну что такое случилось, что ты мне не даешь уснуть?

— Есть две новости, очень срочные...

— Одна хорошая, одна плохая?

— Да как сказать, я бы не сказал, что они плохие, но и хорошими бы не назвал.

— Ну говори тогда, чего тянешь?

— Ваш сын, Лютослав, решил сыграть в Вильгельма Телля...

Федосей все понял сразу. Была у маленького Люта такая забава: брал своего слугу, ставил ему на голову яблоко и пытался сбить другим яблоком. Но сын, подрастая, забаву видоизменял. Нет, цель оставалась та же — яблоко на голове бедняги. Менялось оружие — сначала это была рогатка (выбитого глаза у двух пажей как не бывало. И две

пожизненных пенсии увечным). Потом рогатку заменил арбалет. Пока жертв не было. Но Федосей ждал этой жертвы, ее не могло не быть.

— Кого он убил? Пажа?

— Хуже...

— Сына сенатора?

— Гораздо хуже.

— Да что может быть хуже-то? — не выдержала Марта.

— Сына алеманского конига...

— Твою мать...

— Слава Адонаю, хоть от морганатического брака, но кониг своего байстрюка очень любил. Боюсь, тут одной пожизненной пенсией не отделаешься.

— Ладно, дадим мы алеманам торговые льготы для их купцов на десять лет, пусть торгуют беспошлинно.

— А они согласятся? — засомневалась жена.

— Ты алеманов не знаешь. Покажи им талер, продадут хоть папу ромейского.

— А вторая новость?

— Кесарь-изгнанник Константин нашелся!

— Ого, через столько лет! Где он прячется?

— В соседней Мородинии. Он лесничий у Николая Доброго. Живет в Смоляной Засеке, небольшое село почти на границе.

— Откуда узнал?

— Фельдъегерь мородинский, что останавливался у Константина, мой шпион, завербован давным-давно. Он мне все докладывает и рассказывает. Инязор Мородинский свою дочь замуж выдает, вот и разослал во все концы своих фельдъегерей. А у Константина как бы перевалочный пункт.

— Он не мог спутать?

— Никак нет, ваше кесарство. Мой фельдъегерь знает в лицо Константина. Он ему приносил дипломатическую почту от Николая, когда Константин еще кесарем был. У него память феноменальная, глаз-алмаз! Константин, конечно, бородищу отрастил, но и в бороде его нельзя не признать. Живет уединенно, никаких связей с Мокшанией не поддерживает. Никто, кроме Николая Доброго и моего шпиона, не знает, кто он такой.

— Ладно, иди. С утра скажу, что делать, — отпустил министра полиции кесарь. Тот ушел, а Федосеем завладело сильное волнение. Если Константин жив-здоровехонек, то есть риск, что он вернется в Мокошь. Конечно, пока никаких поползновений на власть он не предпринял, но это пока. Кто знает, что будет завтра. Константина надо убить!

Мысли кесаря заработали, как лопасти мельницы в ветреную погоду. Что предпринять,

чтобы избавиться от лишнего претендента на трон? Политическое убийство ему сейчас ну никак не нужно — государственный престиж, нарушение конвенции: соседи нехорошие санкции введут. Нет, убийство не подходит. Похищение? Тоже нет — зачем ненужная морока? И даже ноту протеста Николаю Доброму не послать. Но что делать?

— Не знаешь, как убрать его без лишнего шума, чтобы не испортить отношения с Николаем Добрым? — поняла затруднения кесаря кесарица.

— Не знаю. Убийство, похищение — но это все шумные дела, а международный скандал мне не нужен никак. А тут еще Лют постарался. Санкции введут — и все, на Чермное море не съездишь больше.

На Чермном море, что в далекой Сахарии, отдыхали все заморские вельможи. Любил там отдыхать и кесарь с женой. Там все вельможи и творили большую политику, обсуждали что, как и когда. Но как только какой королек или кесарек вел себя неподобающе, то вельможи собирали свою большую десятку и отлучали виновника от международных политических дел. Минимум на год. А если навсегда, то это грозило интервенцией или, хуже того — дворцовым переворотом.

— Есть более интересный вариант, — обняла мужа Марта.

— Какой?..

— Опасность исходит от Семена, от наследника Константина. Значит, надо избавиться от него. И тебе только на руку, что никто не знает, кто он на самом деле. Преступность в стране так выросла, так выросла! Никто не застрахован: встретят на большой дороге, ограбят и убьют. Люди пропадают пропадом: тонут в болотах, падают с колоколен, разбиваются с лошадей...

— Ты предлагаешь...

— Да. Но только убить его нужно не в Смоляной Засеке, а, например, в Вельме или еще где. И свалить все на происки мородинского инязора. И так убить, чтобы на тебя никто и не подумал. А после смерти сына Константин про свое кесарство совсем забудет.

— У меня есть человек, который это дельце может провернуть, — заблестели глазки у кесаря. Такой расклад ему очень понравился.

— А фельдъегерь же этот, по-моему, был у тебя? — напомнила жена.

— Ну, был, это при Лютославе было, мородинский инязор предлагает принять участие в турнире за право обладания рукой его дочери. Лют его послал темным лесом за каким-то интересом. Я, грит, жениться не хочу и турнирить нет никакого желания. Не хочет он, а детей алеманских послов шмалять хочет!

— Его надо срочно женить. Может,

образумится, — предложила жена.

— Ты заставишь его?

— Так можно пригрозить алеманской тюрьмой, если ерепениться будет. Не жениться, так хоть пусть на глаза мне не показывается. Не беспокойся, я это возьму на себя.

Утром Федосей первым делом послал гонца к своему егерю Вольдемару. Его не смутило, что на улице не на шутку разнепогодилось. Дело надо было делать безотлагательно. Вольдемар как раз тот человек, который сделает все в лучшем виде. Недаром в народе его зовут «Черный охотник». В последнее время он промышляет все больше котозавровыми шкурками. В случае чего, даже если дело вскрыется, Федосей сделает красивые глаза — он ни при чем, это все происки мородинского инязора.

Распоряжение своему егерю Федосей сделал в охотничьем домике — на всякий случай, вдалеке от посторонних глаз. Вольдемар не знал, для чего его вызвал Федосей, и был очень недоволен. Все дело в том, что погода стояла совсем не охотничья. Лил такой дождина, что не было видно деревьев. Ко всему прочему, дул порывистый сильный ветер — какая уж тут охота.

Войдя в домик, Вольдемар откинул капюшон и проворчал:

— Кесарь, кто ж в такую погоду охотится?!

— Никто, — улыбался Федосей. — Я позвал тебя не за этим. А для небольшого деликатного дельца... Я хочу... — кесарь закашлялся, неловко отпив из чашечки горячего кофея.

— Осторожно! — по-свойски постучал ему по спине Вольдемар. Он был одним из немногих в ближнем кругу Вольдемара, которому позволялось если не все, то почти все, и мог держать кесаря запанибрата. Он все понял и, ради краткости, спросил: — Кто, где, когда, каким образом и сколько?

Такой конкретный подход нравился кесарю. Он откашлялся и деловито затараторил по предначертанному браконьером порядку:

— Кто — это сын бывшего кесаря Константина Семен. Где — Мородиния, но точного адреса не дам, найдешь сам. Константин лесничит в тех местах. Когда — чем быстрее, тем лучше. Каким образом — на твое усмотрение. С важным условием: чтобы все выглядело естественно, без признаков внешнего насилия, но с гарантией. И я тут не при делах. Сколько — да сколько всегда. Тариф годового заработка наемного офицера, сто золотых червонцев. Кроме того, половину даю заморской и тридевятьземельской валютой. Всего пятьдесят золотых талеров и пятьдесят золотых евр. Кроме того, если все пройдет чисто, получишь кошелек с драгоценными камнями. Я не скуплюсь,

и дважды не плачу. — И кесарь отдал небольшой, перехваченный шпагатом и запечатанный сургучом пакет, который браконьер тут же спрятал за пазуху.

— Нужны доказательства? Уши или голова?

— Я тебе верю, — инстинктивно поежился Федосей, чуть не поперхнувшись кофеем. Он не выносил вида мертвецов, старался избегать погребальных ритуалов. До жути боялся не просто смерти, но любых намеков на нее. — Мы знакомы слишком долго, чтобы я тебе не доверял.

— Я знаю.

— И вот еще что: официальная версия твоего появления в Мородинии. Посторонних глаз много, скорее всего, тебя увидят. А спрятать можно хорошо, только положив на видное место. Проводишь моего сына Лютослава до Вельмы. Сам в Вельме особенно себя не показывай.

— Будет сделано, ваше кесарство.

Десятая глава

Лола раскладывала пасьянс. Гадание складывалось на редкость неудачно. По всему выходило, что ее устремлениям угрожают два валета и две дамы красной масти. Не обойти, не объехать этих судариков никак. Раскинула второй раз — та же картина: два валета и две дамы мешают всему пасьянсу. Раскинула третий раз: не опять, так

снова! Проклятые четыре карты стоят у нее на пути. И не какие-нибудь тройка, семерка и туз, а два валета и две дамы. Ведьма вертела в руках свою «акулину», не зная, куда ее пристроить: валеты не давали ей ни малейшего шанса. А раскидывать в четвертый раз нельзя — правило такое, только до трех раз. Сгоряча Лола размахнулась, чтобы снести к карачуртам весь расклад — и тут неожиданно изображение пиковой дамы оживо, и в карточной рамке появилась ее мать Лилиана собственной персоной:

— Подожди, Лола, не смешивай карты. Пасьянс не скажет тебе того, что скажу я.

— Не выходит у меня «Каменный цветок».

— Не расстраивайся. Это всего лишь карты. У меня для тебя есть две новости.

— Плохая и плохая?

— Хорошая и хорошая. Помнишь сына купца Трифона Яшку-букашку, который сбежал от нас?

— Это который спер у Сатира волшебное драконье яйцо?

— Он самый. Я знаю, где он прячется. Недалеко от тебя, в Неровночатских пещерах. Найди его обязательно. Пора наказать наглеца за его наглость.

— У меня руки чешутся, чтобы крепко его обнять! — сверкнули золотом зубки Лолы.

— Думаю, второго товарища тоже тебе

захочется обнять? — подмигнула мать.

— Что еще за товарищ? — на миг растерялась дочь. Лицо Лилианы исчезло с карты и вместо нее возникло лицо юноши.

— Узнаешь?

— Подожди, подожди, — Лолу вдруг осенило. Это лицо напомнило ей одновременно и ее несостоявшегося жениха кесаревича Константина и ее ненавистную сводную сестру Татьяну. — Это же... их сын!

— Да, это Семен, сын Татьяны и Константина, крестник Эйлины. Он стоит на твоём пути!

— Я убью их! Где их прячет Эйлина? — первым порывом молодой ведьмы было желание расправиться с врагами одним махом. Но потом, через паузу, она хладнокровно улыбнулась. Сказала сквозь зубы: — Нет, я сделаю иначе. Нет больше горя для матери и отца, как пережить собственное дитя. Я убью их сына.

— Он направляется в Вельму, хочет посвататься к тамошней инязораве. И кого из двух друзей тебе хочется обнять крепче всего?

На несколько секунд дочь задумалась и стала размышлять вслух:

— Если драконье яйцо до сих пор у Яшки, то наверняка дракон уже вылупился, и он бы нам очень пригодился в охоте за Жар-Птенчиком. К тому же у нас есть Сатир: вот пусть он и обнимет

Татьянинного сына. Все решено: я иду за Яшкой, а Сатир пусть идет за Семеном.

— Разумно, — согласилась Лилиана.

— А что нам даст похищение Жар-Птенчика? Жар-Птица обязательно его найдет. Все равно мы не сможем его убить.

— Время, Лолочка, время. Нам нужно, чтобы Жар-Птица занималась поисками своего Птенца как можно дольше. А ты в это время не зевай: ты должна будешь воцариться в Мокоши. А потом уж будет поздно. А Жар-Птенчика можно убить, но убить его может лишь тот, кого Жар-Птенчик полюбит всей своей душой, — сказала старая ведьма и исчезла. И на карте снова воцарилась пиковая дама.

Лола задумалась, кусая края карты своими золотыми зубками. Яшку, конечно, надо проучить, и Семена надо найти. Но все же, прежде чем найти их, надо сделать еще кое-какие дела. Она понимала: если будет бездействовать, то никогда не станет властительницей мира. Но для этого она должна победить Жар-Птицу, а без Анчары Жар-Птицу не победить. Кстати, а как там поживает Анчара? Со дня на день она должна наконец распусться. Лола поспешила в свой Сад.

Анчара занимала в нем почетное центральное место. Это был большой, в человеческий рост, зеленый бутон на коротком, но толстом стебле.

Цветок еще не раскрылся, хотя было видно, что верхушка бутона уже начала едва заметно раскрываться. Еще дня три, а может быть, и меньше — и бутон раскроется. И Лола не должна пропустить это событие. Яшка-букашка подождет, никуда не денется, Лола все равно его найдет.

Рядом с Анчарой ведьма заметила садовницу Риту, дочку Черепушки.

— Как цветок? — вместо приветствия сквозь зубы процедила ведьма. Слуги должны знать свое место, и обращаться с ними надо так и только так: небрежно-сердито, они должны чувствовать свою вину перед хозяином, даже если ее нет.

— Дышит, — поклонилась садовница, совсем молоденькая девчушка, почти подросток, сама еще девичий бутон. И вправду, если присмотреться, волшебный цветок едва заметно пульсировал: как будто дышал.

— Это хорошо. Как только Анчара расцветет, будешь ее служанкой.

— Как скажете, госпожа.

— Подожди, а это что? — Лола заметила, как из кармашка фартука выглядывает небольшой книжный томик. Лола терпеть не могла книжечек. Она уже один раз поймала девушку за чтением, но лукавым слугам все нипочём... Рита поняла, что опростоволосилась, надо было книгу получше прятать. — Это книга, верно, Рита?

— Госпожа, я... — не знала как оправдаться Рита.

— А если у тебя книга, у тебя должно быть свободное время. А вот свободного времени у тебя не должно быть! Вообще! Дай сюда! — Лола выхватила книжку. — Ба, да это стихи... Наша служанка любит поэзию, надо же. И кого же она читает? Пышкин, Вермонтов, Весенин, Рахматова, Цветова!

Книга была брошена на землю. Щелчок пальцами, сноп искр — и от книги осталась только зола.

Рита готова была разреветься, но сдерживала слезы.

— Еще раз увижу, испепелю вместе с книгой! — госпожа готова была уже уйти, но вдруг остановилась, обернулась и лукаво усмехнулась: — Вот что, дорогуша, пора бы тебе и твое искусство применить. Ты же у нас дракон, верно? Через неделю пойдешь со мной, я найду применение твоему дару.

Ведьма вышла, оставив Риту стоять в нерешительности. Мало того, что ведьма сожгла книгу великих мокшанийских поэтов, так еще и решила использовать ее проклятие. Именно проклятие, а не дар! Девушка никогда не хотела и не хочет быть драконом! Да, в полнолуние ей приходится превращаться, но, к счастью, кроме

домочадцев, этого никто не видит. Рита научилась бороться с этим «даром». Она очень боялась, что превратившись в дракона, не сможет сопротивляться его драконьей природе, однако всё оказалось не так все страшно. Превратившись внешне в дракона, внутри она оставалась все той же девушкой Ритой — ей не хотелось никого кусать и тем более пожирать.

Рита бросилась к отцу, рассказала о намерениях ведьмы. Но отец только руками развел:

— А что мы можем сделать, дочка? Надо смириться и делать, что она скажет. Мы ведь люди маленькие.

— Как смириться?

— Лола — человек не такой уж и злой. Она ведь несчастна, у ней нет мужа, нет детей. Ее пожалеть надо.

— Да у нее нет мужа и детей именно потому, что она злюка!

— Но мы-то злюками не должны быть, понимаешь? К тому же, ну сбежишь ты. А где ты еще нужна? Здесь ведьма тебя накормит, напоит, здесь у тебя есть кров.

В словах отца был резон. И все же такое смирение Рите не нравилось. Выходит, если враг тебя бьет — смирись и рассчитывай только на его благосклонность. Не будет благосклонности — погибай. Вот именно что «рассчитывай», именно

этот расчет и не нравился в рассуждениях отца. Словно бы от тебя ничего не зависит, ты вещь, раб, которым распоряжаются другие, и вся надежда только на доброту господина.

— Злюками не должны, но я и не вещь, чтобы мной распоряжаться, я человек!

— Ты — оборотень! Смирись! — осадил отец.

— Но зачем?

— А разве у нас есть выход? Ведьма заколдовала меня так, что я не могу покинуть пределов нашего дома. Так лучше смириться, иначе проплачешь всю жизнь, ведь выхода нет!

В словах отца проскользнула горечь и даже обида на то, что дочь не понимает его. Все же характер у Риты от матери — вот беда, мать год назад умерла. И девушка подозревала, что ведьма приложила к этому руку.

Неожиданно небо озарилось цветным сполохом, словно какой-то невидимый художник выплеснул на небесное полотно целую палитру красок.

— Что это? — девушка как зачарованная смотрела на небо.

— Жар-Птица пляшет, — объяснил отец.

— Какая Жар-Птица, почему пляшет? — не поняла дочь.

— Раз в сто лет на Землю спускается из райских куц Жар-Птица, чтобы показать Землю

своему Жар-Птенчику. И вот они пляшут. По поверью, она спускается в Темниковскую Пущу, и кто выхватит из ее оперения огненное перо, тот сможет выполнить любое, даже самое несбыточное своё желание.

— Желание? — переспросила дочь.

— Это же легенда, сказка, — усмехнулся отец.

Нет, Рита не будет смиряться, такая жизнь ей не нужна. Да пусть ведьма испепелит ее, но она смиряться не будет. «Это мой единственный шанс!» — решила про себя Рита. Отцу она ничего говорить не будет. По доброте душевной он и ведьме все расскажет, с него станется. Дочь, не медля ни секунды, быстренько собрала котомку с вещами, сунула туда томик со стихами мокшанийских поэтов («Как же, ведьма, этот томик у меня не единственный!» — весело прищурилась она от ощущения, что хоть в малом, но обдурила ведьму) и, как только стемнело, выскользнула из дома. В Вельме, что в Мородинии, живет ее бабушка, мать мамы, у нее она и схоронится на время. А оттуда уж направится в Саро за пером Жар-Птицы.

Сегодня исполнилось ровно десять лет со дня свадьбы эрзинского князя Дениса и купеческой дочери Ольги. Все соседние князья недоумевали: ему что — княжеских дочек не хватило, это ж

мезальянс какой. Однако вот уже десять лет они вместе. И, можно сказать, живут душа в душу. Ольга чем-то напоминала ему — и внешне, да и характером — Марию, жену брата Михаила. История их знакомства тоже была интересна. Познакомились они в Пайгарме. Туда Денис отправился отнюдь не замаливать грехи.: он не был религиозен. Более того, служителей Адоная не любил:

— Попы — обманщики, выцыганят денег, а помочь не помогут.

Скорее, поехал развеять тоску. После Марии князь не мог смотреть ни на одну женщину, так присохла душа к жене брата. В Пайгарме жил его давний знакомец купец Трифон. Они познакомились в Эрзини несколько лет назад. Трифон привез товары на продажу и Денис, еще будучи мальцом, накупил у него сладостей. И как только купец оказывался в Эрзини, то они встречались: между ними завязалась дружба. Однажды Трифон даже спас княжича от лихих людей. Купец долго зазывал к себе в гости Дениса, и наконец уговорил. Через год после смерти брата отправился эрзинский князь в гости.

На пути в Пайгарм у князя состоялась необычная встреча. Он и сам иногда думал, что это ему привиделось. Когда по пути в Пайгарм князь остановился на одном из постоянных дворов

поменять лошадей, к нему подошла ромалка (ромалы — бродячий народ, который обладает даром предсказывать):

— Дай монетку, князь, что-нибудь хорошее скажу.

Что ж, монеток у него много, почему бы не дать. Князь хоть и не любил попрошаек, но это ж ромалка — у нее поди ромалют целый подол.

— Бери, — отсыпал ей Денис целую горсть серебряных гривен. — И не надо ничего говорить.

— Вот спасибо, князь, — рассмеялась ромалка. Внимательно на него посмотрела — и сдержала свое обещание: — Доброе у тебя сердце, князь, но сердце твое как проходной двор, пускаешь в него кого не лень. Год назад ты пустил в него прохвоста, выгони его...

— Ты о чем говоришь, ромалка, какой прохвост, кого пустил? — растерялся князь.

— Помнишь, год назад к тебе пришел человек и пообещал в жены Марию, жену брата. И чем все закончилось: брат умер, его жена умерла. Он обманул тебя!

Денис потемнел лицом. Он хотел забыть ту историю, как дурной сон. Не хотел он их смерти. Все, что случилось, и как случилось, он считал каким-то наваждением. Спьяну согласился на условия какого-то прохвоста. А прохвост оказался не так уж прост.